

АЛЕКС ГОР



СОКРОВИЩА НАБАТЕИ

18+

Исторический детектив

Алекс Гор

Сокровища Набатей

«Автор»

2026

Гор А.

Сокровища Набатеи / А. Гор — «Автор», 2026

В Санкт-Петербурге жестоко убит известный археолог. Его коллеги гибнут один за другим. Причина охоты — сенсационная находка: арамейская рукопись I века, указывающая на мифическую сокровищницу последнего набатейского царя. Убийца оставляет на месте преступлений имена ядовитых змей — жуткий шифр, который нужно разгадать до того, как список жертв пополнится. В игру, где ставка — жизнь, вступают отставной полковник Леонид Лесин и профессор истории Макс Кон. След уводит их из России в Израиль, под каменные своды древней Акры. Именно здесь, в подземных тоннелях последней цитадели крестоносцев, запечатаны тайны двухтысячелетней давности. «Сокровища Набатеи» — масштабный интеллектуальный детектив, связывающий три эпохи: закат Набатейского царства, падение Акры в 1291 году и изощренную резню в настоящем. Первая книга серии «Расследования Макса Кона». Для тех, кто ценит загадки Дэна Брауна и атмосферу Умберто Эко.

© Гор А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
ГЛАВА 1 Агентство Лесина. Странная просьба	6
Послание из прошлого	12
Глава 3 Встреча в Старом городе. Список археологов	23
Глава 4 Паноптикум доктора Кона	30
Глава 5 Страхи Сагит	36
Глава 6 Незаменимый	41
Глава 7 Свежий взгляд	48
Глава 8 Проводники пустыни	53
Глава 9 Улики против него	59
Глава 10 Поиски рукописи	67
Глава 11 Крипта - набатей	72
Глава 12 Ассистентка профессора	73
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Сокровища Набатей

Глава

Пролог

Щекочущие капли пота сползали со лба и вызывали мучительную резь в глазах. Он пытался проморгаться, не решаясь выпустить свою находку из рук. Это не помогало. Полумрак и затхлый запах подземелья порождали неприятные ощущения. Беспокойство, головокружение. Тусклый свет, едва проникавший сюда из проема в стене, встречался с немногочисленными препятствиями на своем пути и создавал вытянутые жуткие тени. Когда боль стала невыносимой, он все-таки решил протереть глаза. Для этого ему пришлось отложить в сторону то, что на первый взгляд могло показаться ветхими обрывками темноватой материи. Гримаса исказила его лицо. Мысль о том, что придется расстаться с ними даже на мгновение, была невыносима. Лишь убедившись, что им ничего не угрожает, он начал тереть глаза кулаками. К ним его отношение было не таким бережным, как к каким-то полуистлевшим лоскуткам.

Он ненавидел свои глаза. Они не позволяли ему разглядеть пляшущие нечеткие линии, с трудом различимые на темном фоне.

Боль утихла. Он протянул руки к своему сокровищу и случайно смахнул стоявший рядом глиняный сосуд, из которого получасом раньше извлек потемневшие от времени листки. Возраст расколовшегося сосуда, очевидно, был ничуть не меньше его содержимого, но в первый момент он даже не взглянул в его сторону. Затем, словно что-то вспомнив, одной рукой разгреб осколки и вытащил некоторые из них. Другой рукой он продолжал держать свою находку, не желая расставаться с ней вновь даже на миг. Он принялся раскладывать обломки, подгоняя очертания сколотых краев. Со стороны могло показаться, что он собирает пазлы. В конце концов, он выложил пять черепков со значками, на первый взгляд кажущимися бессмысленными.

Сдвинув остальные в сторону, он некоторое время любовался полученным результатом, после чего бережно уложил их в лежащую рядом холщовую сумку. Затем его взгляд вернулся к листочкам.

Света не хватало. Нечеткие штрихи прятались под темными пятнами, проявлялись и вновь исчезали на изломах. Порывшись в кармашке сумки, он нашел маленький фонарик «Меллерт» и включил его. Вспышка, разорвавшая полумрак, в первое мгновение ослепила его. Он отдернул руку, держащую фонарь, словно испугавшись, что луч может повредить и без того неровные строчки.

Когда глаза привыкли к свету, он снова попытался разобрать древнее послание. В том, что это старинное письмо, он не сомневался. Сколько он шел к этому, сколько надежд и разочарований пришлось пережить на пути. И вот, наконец, он будет вознагражден. Осталось расшифровать и сделать еще один шаг. Всего один.

Никогда еще он не был так близок к цели. Он сделал еще одну попытку разобрать написанное, но от переполнявших эмоций сосредоточиться на тексте не удавалось. Стараясь успокоиться, он прикрыл глаза и помассировал виски. Затем он предпринял еще одну попытку. Нет, танец угловатых символов перед глазами не прекращался.

Так ничего не получится.

Ничего страшного. Нужно успокоиться. Теперь торопиться некуда. Самое главное не совершить ошибку.

Часть 1

Древняя рукопись

ГЛАВА 1 Агентство Лесина. Странная просьба

Санкт-Петербург. Россия. 02.10.2005 г.

До встречи оставалось пятьдесят пять минут. Мужчина не торопился. Выйдя из такси на набережной Лебяжьей канавки, он с минуту любовался на Марсово поле и медленно побрел по берегу Мойки, кожей впитывая знакомый с детства запах влажного воздуха. Такой запах был только здесь. Там, за границей, погруженный в работу, он не оставлял себе времени на ностальгию. Но стоило ему выйти из аэропорта Пулково, как нахлынувшие воспоминания заполнили собой каждую клеточку его мозга.

Мужчина не сопротивлялся. Он шел, получая удовольствие от каждой секунды пребывания в этом городе. Ноги, как запрограммированные, сами несли его по знакомым с детства местам.

Он остановился на Большом Конюшенном мосту и, держась за чугунную ограду, засмотрелся на зеленую воду реки.

Почти двадцать пять лет назад белой ночью после выпускного он прощался здесь со школьными друзьями. Встряхнув головой, словно освобождаясь от действия гипноза, он

оттолкнулся от перил и продолжил путь. На потемневшем от долгого пребывания на солнце лице мелькнула улыбка.

Через пару минут ему вновь пришлось остановиться. Певческий мост. На его широкой площадке они гуляли, отмечая получение диплома. Мужчина провел рукой по лицу, пытаясь подольше сохранить приятные воспоминания. Сюда, скрываясь от всех, они прибегали с хрупкой девочкой, ставшей потом его женой. Он подошел к литым перилам, дотронулся до ажурной решетки.

Легкий осенний ветерок с реки приятно ворошил зачесанные назад поредевшие волосы и распахивал полы мешковатого плаща. Мужчина вновь улыбнулся. При этом кожа в уголках глаз покрылась едва заметной паутинкой морщин. Однако глубокие складки между бровями говорили о том, что хмуриться ему приходилось чаще, чем улыбаться.

Немного ускорив шаг, он пересек Невский, лишь на секунду бросив взгляд на Строгановский дворец.

Немногочисленные в этот ранний час прохожие обгоняли или спешили навстречу с видом замкнувшихся в себе зомби.

Мужчина вглядывался в их лица. Обычно скупой в проявлениях чувств, сегодня он готов был обнять каждого.

Он посмотрел на часы. Пора. До начала встречи оставалось ровно полчаса. Его пунктуальность частенько становилась темой для шуток друзей. Он не позволял себе опаздывать даже на пару минут.

Справа показался Исаакиевский собор.

«Отсюда совсем близко». Он свернул налево в маленький переулок около Мариинского дворца. Распространяясь изнутри, обволокло неприятное предчувствие. Набережную покидать не хотелось.

«Ничего, успею нагуляться». Он кивнул, соглашаясь с этой мыслью. В запасе было еще целых три дня.

Мощенную булыжником набережную Мойки сменил серый потрескавшийся асфальт. Людей здесь не было вовсе. Пройдя один квартал, он зачем-то оглянулся и зашел во двор.

Через секунду что-то с чудовищной силой ударило его чуть выше переносицы. Он не почувствовал боли и даже не услышал хлопок выстрела. Он умер еще до того, как его тело

упало на грязный заплыванный асфальт. Из уголка рта вытекла тонкая струйка крови. На безжизненном лице мужчины застыла удивленная улыбка.

Он уже не видел, как к нему приблизился темный силуэт. Как человек в бесформенной ветровке со скрывающим лицо капюшоном что-то бросил рядом с выпавшим из рук кейсом и наклонился к телу.

* * *

Санкт-Петербург. Россия. 04.10.2005 г.

– Сашок, останови здесь, – полковник Лесин похлопал водителя по плечу за три квартала до офиса.

– Не далековато? – спросил Сашок. Ему была известна новая привычка шефа, пройтись сотню метров перед появлением в кабинете. Но так далеко они еще не останавливались.

– В самый раз. – Он вытащил свое могучее тело из черной «хонды» и потянул подбородком по сторонам, разминая шею.

Зная, что шеф терпеть не мог нянек, Сашок рванулся с места, спеша убраться из его поля зрения. Пару секунд Лесин смотрел вслед удаляющейся машине. Полковник решил завести личного водителя четыре года назад. Он не был избалован и вполне мог крутить баранку самостоятельно, но так было удобнее. Теперь во время поездок его голова не была занята пробками, поисками коротких маршрутов и безрассудными лихачами. Это экономило время и берегло нервы.

До офиса в Мучном переулке можно было дойти за пятнадцать минут. Не торопясь. Лесин взглянул на часы. До общего сбора детективов в его кабинете, назначенного на 9 часов, оставалось чуть больше получаса. Он набрал полную грудь утреннего, еще неотравленного выхлопами воздуха, и бодро зашагал по Садовой. Такие прогулки вошли в распорядок дня с легкой руки его жены, Елизаветы Васильевны. С полгода назад ей вдруг показалось, что у мужа одышка. Это в своем детективном агентстве он строил всех с утра до вечера. А воспротивиться жене, которая прошла с ним путь от молоденького курсанта школы милиции до полковника, Лесин не мог. На самом деле он был полковником в отставке, но до сих пор к нему часто обращались по званию.

Лесин усмехнулся. У него не было возможности уклониться от бестолковых прогулок. Его жена знала почти о каждом его шаге. Ее многому научила долгая жизнь рядом с сыщиком. В его собственном детективном агентстве она завела осведомителя, который в свободное от стукания время работал шофером Лесина.

Бесцельное хождение действовало на нервы. Думать на ходу полковник не умел. Он должен был сесть и собраться с мыслями. Дел в офисе накопилось в избытке. Надо бы набросать, по крайней мере, в общих чертах, план первоочередных мероприятий по каждому. Такие записки позволяли ему сосредоточиться. Наиболее верные решения всегда приходили, во время перечитывания этих бумажек. Благодаря им, он умудрялся разруливать самые запутанные ситуации. И подходящее время для этого было с утра, до того, как засасывала ежедневная текучка.

И вот, вместо этого, ему приходилось убивать по получасу драгоценного времени на эти раздражающие прогулки.

– Нет, так не пойдет, – решил полковник, – пока дойду до офиса, вовсе взбешусь.

Вместо того чтобы пойти направо в Мучной переулок, он вдруг свернул налево в Апраксин. Дойдя до небольшого кафе, он заказал чашку сваренного в турке кофе и позвонил водителю. Тонком, не терпящим возражений, объяснил тому, куда за ним приехать. Нажав отбой, Лесин вынул из кармана блокнот с ручкой и начал выводить в нем одному ему понятные линии.

Сашок подогнал «хонду» к кафе через пять минут. В тот момент, когда, заметив водителя, успокоившийся Лесин спрятал блокнот с каракулями и поднялся из-за стола, раздался звонок его мобильного телефона.

* * *

Сашок ждал у кафе, не глуша мотор «хонды». Он ненавидел ждать. Электронные часы на панели мигали двумя зелеными точками. 8:46. Цифры застыли в неподвижности, и, казалось, никогда не поменяются. Шеф сегодня не в духе. Сашок возил Лесина уже четыре года и давно привык к перепадам в настроении начальства. По его мнению, причин для этого не было. Дела в агентстве шли неплохо. Об этом говорило даже то, что шеф накануне вскользь намекнул о планируемом обновлении автопарка. Уж в этом-то вопросе Лесин обязательно спросит его совета. Пока мигнула крайняя правая цифра на часах, прошла вечность. 8:47.

Он рассматривал нарисованные на витрине кафе тарелки со сладостями и большую чашку, из которой поднимался белый дымок. Ему захотелось кофе и булочку с корицей. Сегодня Сашок не успел позавтракать. Нужно отвлечься. Он опустил стекло на двери. В машину ворвались звуки и запахи улицы. Он отвел глаза от витрины и вернулся к мыслям об автомобилях. О них Сашок знал все. Хорошо бы раскрутить шефа на джип. Задача была непростой. Лесину все равно, на чем ездить. Нужны веские аргументы. Один у Сашка уже был. Лесин всегда ворчал, впихивая свою фигуру в низкую «хонду». А в высокий джип удобнее садиться. От приятных размышлений лицо самопроизвольно растянулось в улыбке. Он уже представлял себя, сидящим за рулем «паджеро» или еще лучше «ленд крузера», когда заметил выходящего из кафе Лесина с мобильником, прижатым к уху.

* * *

– Какая Диана? – пытался сообразить Лесин, забираясь в машину. Номер этого телефона был известен только его подчиненным и самым близким. Аллочка, секретарша Лесина, никогда не нарушала его запрет передавать номер посторонним, даже в самых экстренных случаях. Неужели кто-то надавил и девчонка не выдержала? Нет, на нее не похоже. Аллочка оберегала покой шефа от всех посягающих, невзирая на чины и звания.

– Диана Минина, Леонид Семеныч, не помните? Звонила вам домой, и Елизавета Васильевна дала мне номер.

– Дианочка! Ну что ты, милая. Помню, конечно, – и на секунду нахмурившись, добавил, – на день не забывал.

Друга, ближе Аркадия Минина, отца позвонившей женщины, у Лесина не было никогда. И уже не будет. Двадцать лет назад Аркадий погиб. Вспоминая об этом, полковник не переставал винить себя в его смерти и до сих пор ощущал непреходящую боль.

Они дружили еще со школы. Когда Леня учился в девятом, в его классе появился новенький. Семья Мининых переехала в Ленинград из Выборга. После десятого класса их пути разошлись. Леня пошел в армию. Аркадий поступил в политех. Они встретились вновь через шесть лет. Лесин отслужил, окончил школу милиции и, получив звание младшего лейтенанта, уже год работал в органах. Аркадий Минин после института уехал по распределению в Павлодар. Через год он вынужден был вернуться в Ленинград из-за смерти отца. Аркадий начал работать прорабом на стройке в районе Четырех Дураков.

Они регулярно встречались семьями. По традиции их посиделки происходили два раза в месяц. В коммуналке Лесиных или в двухкомнатной квартире Мининых. Поочередно. Стол накрывали в складчину, удивляя друг друга добытыми деликатесами. Пировали от души, пели под гитару, танцевали. Обычно гости уходили к полуночи, чтобы успеть добраться домой до развода мостов. Но однажды, уединившись от жен на кухне у Мининых, друзья засиделись до утра. Говорили о работе. Они могли бы и дальше трудиться каждый на своем месте, но та ночь изменила судьбу одного из них. Аркадий, после рассказов Ленки о романтике борьбы с преступностью, решил, что его жизнь растрачивается попусту. Он оставил стройку, пошел на курсы уголовного розыска и через год, в звании старшего лейтенанта, начал работать оперуполномоченным в Невском районе.

Еще через два года капитан Минин погиб при задержании находящегося в розыске тамбовского авторитета Китайца. Получив известие о гибели Аркадия, Ленка Лесин несколько дней, не прекращая, пил водку у соседки

по коммуналке, пенсионерки-блокадницы, с материнской нежностью относящейся к юному милиционеру. Чувствуя вину в смерти друга, он избегал людей, не показывался на глаза жене и даже не смог заставить себя прийти на похороны. Но через три дня, решив, что он все-таки мужик, Лесин пришел к вдове Аркадия Алёне и просидел всю ночь, обещая взять на себя заботу об их семье до конца своих дней.

Лесин, как мог, выполнял обещание. Несмотря на то что Алёна через три года вышла замуж во второй раз, он, по меньшей мере, раз в два месяца приезжал к ней, помогал, чем мог, и был в курсе всех изменений в жизни самой Алёны и Дианы, дочери Аркадия. Новый муж Алёны стойко терпел эти посещения, потому что Лесин, придя поздравить их после свадьбы и, задержавшись на полночи, после распитой бутылки «Пшеничной», доходчиво объяснил ему причину этой опеки.

И вот Диана, выросшая у него на глазах, уже давно замужняя женщина, вспомнила о нем и позвонила. И когда она произнесла:

– Дядя Леня, у меня беда, – Лесин готов был расшибиться, чтобы хоть чем-то помочь ей.

Но когда он услышал следующую фразу Дианы, у него, здорового мужика, задрожали колени.

– Моего мужа убили.

После короткого рассказа, Диана спросила:

– Дядя Леня, вы знаете, где сейчас Макс?

– Кто? – не сообразил Лесин.

– Макс Кон. Вы можете его найти?

* * *

– Никому не расходиться. Шеф едет, – сообщила Аллочка тоном, не обещающим спокойного дня. Стройная брюнетка, ближе к сорока. Она была старше основной массы сотрудников агентства, но все до сих пор называли ее Аллочкой.

– Что-то стряслось, – добавила она, когда собравшиеся в комнате для совещаний закончили многозначительно переглядываться. – Змей злой, как...

Она на секунду задумалась, подыскивая подходящее сравнение.

– Как Змей. Не напрягайся, – вставил Виктор Маковский, сидевший по правую руку от пустующего пока стула начальника.

Их шеф был впечатляющей фигурой. Он прошел путь от опера до начальника отдела ГУВД. Дурацкое прозвище приклеилось к нему в самом начале милицейской карьеры. Крупный, смуглый, длинноносый. В нем было что-то от созданного кинематографом образа вождя индейского племени.

Он ушел в отставку, и уже больше десяти лет руководил собственным детективным агентством.

Маковский работал у Лесина два года. Бывший майор уголовного розыска. Когда ему исполнилось 34 года, карьера в милиции закончилась. Из-за дурного характера Виктора, упрямства, несговорчивости и ершистости. Ему прочили успешную карьеру, но все кончилось в тот момент, когда к ним пришел новый начальник отдела. Маковский был одним из самых перспективных претендентов на это место.

– Гибкости тебе не хватает, – сказал ему заместитель начальника ГУВД. Виктора Маковского вызвали на беседу к начальству после подачи рапорта об отставке.

– Я не гимнаст. В моей профессии гибкость не самое важное качество.

После этой беседы ему подписали рапорт, и он ушел из органов. Его взяли консультантом в частное охранное предприятие. Маковский недолго оставался без любимой работы. Лесин нашел его, когда тот не проработал и месяца на новом месте.

Он был самым опытным агентом. Двое других сотрудников трудились под руководством Лесина меньше года. Одному – 25, другому – 27. Пока они не позволяли себе называть начальника Змеем даже в его отсутствие.

Виктор наблюдал за молодыми коллегами. Спокойные сосредоточенные лица. Ни тени волнения. Все верно – нечего заранее дергаться. Приедет шеф, объяснит причину дурного настроения, вот тогда можно и поволноваться. Если время останется.

Ждали молча. Не было слышно даже шума улицы, отделенной от помещения толстыми стеклопакетами. Тишину нарушало только шуршание листов в факсе.

Через пять минут худшие опасения подтвердились. Шеф влетел в кабинет с каменным выражением на лице.

* * *

Забыв поздороваться, Лесин прошел к стулу с высокой спинкой. Он остановился за ним и посмотрел на присутствующих, осознавая, что от его жесткого взгляда всем становиться не по себе.

– И вам доброго утра, Леонид Семенович, – произнесла Аллочка, придав своему лицу отрешенное выражение.

Лесин остановил на ней непонимающий взгляд. Намек секретарши дошел до него через пару секунд.

– Извините. Здравствуйте, – и без перехода добавил, – у нас проблема.

Он, наконец, сел.

– Убит иностранный гражданин, Борис Шацкий. Как понимаете, наш бывший соотечественник. Ко мне обратилась его жена. Ее зовут Диана Минина. Она дочь моего погибшего друга. Поэтому ход расследования буду контролировать лично. На сверхурочные не жаловаться.

Он по очереди оглядел своих подчиненных. Виктор делал заметки в лежащем перед ним блокноте. Острый нос, лицо с резко выступающими скулами. Тонкие губы, искажающие лицо саркастической улыбкой. Колючий, въедливый. Аккуратен до педантичности. Карандаш в его руках заточен идеально. Возможно, излишне дерзок. Знаток теории криминалистики. В расследованиях, прежде всего, полагался на статистические данные. Лесин не был поклонником его методов, но признавал, что они зачастую приносили результаты. Тридцать шесть лет. Единственный семейный человек в команде, кроме самого полковника. Как результат налаженного быта, под рубашкой выпирало небольшое брюшко, странно выглядевшее на худом теле.

Игорь Шанин, несмотря на молодость, серьезнее остальных. Высокий, атлетически сложен. Приверженец порядка во всем. Разведен. Жене не мешал бардак дома.

Самый младший Алик. Немного ветреный, но инициативный и расторопный. Никак не мог остановиться на одной из многочисленных подружек. Сам мучился от своего непостоянства. Это причиняло массу беспокойств, но никогда не мешало работе.

И, наконец, Аллочка. Надежный тыл. Как стена, ограждавшая Лесина от любых неприятностей.

Хорошо дополняющие друг друга сотрудники. Правильно подобранная команда.

– Виктор, ты заряжаешь барабанщиков.

– Игорь, восстанавливаешь все действия потерпевшего в Питере. Каждый шаг. Когда приехал, к кому, зачем. Первым делом побеседуешь с его женой... то есть вдовой. Но одной ей не ограничивайся. Поищи друзей, коллег. В конце совещания подойдешь ко мне, дам адрес гостиницы, где они остановились.

– Алик. Твоя очередь. Шацкого убили в переулке Антоненко, в проходном дворе. Погуляй по соседям. Все ясно?

– Леонид Семеныч, может быть сначала с операми побеседовать? Они, наверное, уже поквартирный обход делали?

– У оперов, Алик, свое начальство, а у тебя я. Вечером мне доложишь о результатах прогулки. Это всех касается.

– А что там опера нагуляли постараюсь выяснить сам. Делом занимается Центральный район. Я к ним добывать материалы. Собираемся к шести. Обо всем значительном сообщать мне по телефону. За работу.

Все встали, шумно отодвинув стулья, и вышли. Полковник остался в комнате один. Он еще немного посидел в наступившей тишине.

Перед тем как выйти, Лесин вспомнил о просьбе Дианы, почему-то показавшейся ему странной. Найти Макса.

Глава 2

Послание из прошлого

Акко. Израиль. 04.10. 2005 г.

Из-за песчаных насыпей, усыпанных редкой растительностью, показались шпили мечетей выступающего в море Старого города. Солнце, образующее в этот предзакатный час блестящую дорожку на зыбкой глади воды, вместе с едва различимыми в дымке крепостными стенами делали эту картинку похожей на фантастический мираж.

«Следующая станция – Акко», – объявил вкрадчивый голос. Через несколько минут поезд затормозил с пронзительным визгом. Звук выворачивал наизнанку. Макс Кон поднялся с места и направился к выходу. По дороге он осмотрелся.

Его глаза выделили несколько цветов, доминирующих в вагоне. Зеленый и песочный. Цвета военной формы. Накануне выходных больше половины всех пассажиров поезда составляли военнослужащие. Рядовые и младшие офицеры. Их шумные пестрые группки напоминали цыганский табор. Расстегнутые форменные рубашки со знаками отличия. На некоторых разноцветные кроссовки вместо коричневых или черных армейских ботинок. Степень расхлябанности была прямо пропорциональна удалению от места дислокации. Макс неуютно чувствовал себя в этой обстановке. Его коробило от подобного понимания воинской дисциплины. Выходя за пределы части, они переставали быть военнослужащими. Обычная молодежь в состоянии эйфории от предстоящих выходных.

Из-за нехватки мест многие расположились на полу в проходах. Оружие рядом. Пробираясь к выходу, Макс постарался не наступить на М-16 двух бойцов, увлеченных разговором.

«Нужно было ехать на машине», – подумал он и тут же отменил эту мысль. Пробки на дорогах перед праздниками нервировали не меньше. Планировать посещение библиотеки Хайфского университета следовало в обычный день. Идея сделать это сегодня была неудачной. Но позволить себе отложить поездку он не мог.

Макс Кон, высокий мужчина спортивного телосложения с упрямыми линиями на лице, выглядел моложе своих сорока лет. Он преподавал историю в колледже Западной Галилеи и занимался исследованиями подземной части Старого города. Два года назад он оставил престижную должность в Хайфском университете и перебрался в Акко, ближе к месту происшедших здесь событий семивековой давности. Была еще одна причина, заставившая его оставить северную столицу и переехать в маленький городок. О ней он старался не вспоминать.

Накануне доктор Кон получил известие, которое не могло оставить его равнодушным. Университетский библиограф, приятель Макса, сообщил ему об обнаружении неизвестной ранее рукописи. Найденный отрывок предположительно принадлежал перу одного из первых историографов крестовых походов Робера де Клари. Возможно, это была последняя, неизвестная до сих пор, глава хроники «Завоевание Константинополя». Самым волнующим оказалось то, что несколько страниц были напрямую связаны с работой Макса.

Вопреки информации, имевшейся в распоряжении историков, крестовый поход рыцаря де Клари не закончился захватом Константинополя. В 1205 году он оказался в Акре и стал свидетелем планировки и начала строительства тайных гротов под Рыцарскими залами. В найденном тексте, со слов приятеля Макса, содержалось подробное описание работ. С момента получения этого известия Макс не пытался скрыть приподнятое

настроение. Он не мог и мечтать о подобном подарке судьбы. Откладывать встречу из-за пробок на дорогах или переполненных поездов? Ну, уж нет.

Поездка превзошла его самые смелые ожидания. В небольшом отрывке, который он успел просмотреть в университете, содержалось описание ответвлений в подземных переходах, неиз-

вестных до настоящего времени. Кроме того, десятистраничная копия обнаруженного документа теперь лежала в его портфеле.

Он выскочил на привокзальную стоянку. Идти было недалеко. Утром ему удалось припарковать машину в пятидесяти метрах от входа. Опустившись на мягкое сидение, он повернул ключ в замке зажигания. Белая «тойота» вздрогнула, словно от неожиданности, после долгой разлуки и довольно заурчала. Макс откинулся в кресле, прикрыл глаза и вернулся мыслями к странному СМС, полученному во время пребывания в университете.

* * *

Санкт-Петербург. Россия. 04.10.2005 г.

Лесин нашел в памяти сотового телефона номер начальника уголовного розыска Центрального района, майора Светина.

– Лесин говорит. Сережа, ты у себя? Найдешь для меня пару минут? Я по поводу убийства в переулке Антоненко... Еду.

Он нажал отбой и обратился к водителю.

– Ты понял, с кем я говорил?

– Понял, – буркнул Сашок. Он очень не любил такого настроения шефа.

– Если понял, чего ждешь? Поехали.

Светин нервно бросил телефонную трубку, когда в комнату зашел Лесин. Взглянув на хозяина кабинета, полковник покачал головой. Вытертый пиджак майора казался на размер больше. Красные глаза с темными мешками под ними придавали ему болезненный вид. Он попытался подняться с кресла, но скорчившись, плюхнулся на место.

– Что это с тобой?

– Спина отваливается, – поморщившись, ответил майор.

– Тебе сколько лет?

– Причем здесь мой возраст?

– Походил бы в спортзал, позанимался бы на тренажерах фитнесами с бодибилдингами, или как там это называется, и подошел бы к моему возрасту в такой же форме, как я.

– А ты, Семеныч, занимаешься? – усмехнулся майор, – ходили бы на тренировки вместе.

– Нет. Во-первых, я себе не враг – видеть твою кислую физиономию в свободное время. Ты даже когда улыбаешься, у меня скулы, как от лимона сводит. А во-вторых, у меня агентство, мне по спортзалам шлаться некогда. Меня ноги кормят. По убийству что-то выяснили? – спросил он без перехода.

– Как сам, Семеныч? – Светин откинулся на стуле и вновь изобразил на лице подобие улыбки.

– О себе я тебе позже расскажу, если время останется, – не поддержал Лесин благодушное настроение майора.

Тот подвинулся к столу и опустил на него руки, демонстрируя засаленные локти пиджака.

– Убитый – гражданин Израиля, Шацкий Борис Павлович. Труп вчера утром в проходном дворе обнаружила пенсионерка. Вышла в магазин за продуктами. Рядом с убитым обнаружен портфель с его документами. В Питер прилетел накануне вечером с женой. В бумажнике был адрес гостиницы, в которой они остановились. Привезли жену. Она подтвердила личность убитого.

– Что еще?

Все, что сообщил Светин, он уже знал от Дианы.

– В портфеле, кроме документов, были какие-то странные бумаги.

– В чем странность?

– Понимаешь, Семеныч, на них какие-то каракули нечитаемые. Такое ощущение, что это копии старинных документов на неизвестном языке. И пару листов с линиями и знаками. Что-то вроде карты.

– Где эти бумаги?

– Пока криминалистам передали. Пусть поломают голову, а то непонятно даже, каких специалистов искать. Может быть, сообразят, что за текст, чтобы сузить круг поисков.

– Сережа, сможешь мне копии сделать?

– Организую, – ответил Светин, – пришли кого-нибудь к вечеру.

– Причину смерти определили?

– Судебный медик на месте обнаружил огнестрельное ранение в лобной части головы. Труп находится в морге на вскрытии. Пулю еще не извлекли, но можно сказать, что калибр девять миллиметров и стреляли из пистолета СПС.

– Так быстро определили? Скорость вашей работы обескураживает.

– Да, работаем мы шустро, – Светин натянуто улыбнулся, – тем более что пистолет валялся рядом с трупом. Ощущение такое, что действовал профессионал. Почерк наемного убийцы.

– А кроме ощущений, у тебя что-то есть? Пальцы, следы?

– Нет, все чисто. Я же говорю – профессионал.

– Поквартирный обход что-то дал? Хоть кто-нибудь что-нибудь видел? Город-то у нас многомиллионный, Сережа, свидетели обязательно должны быть.

Майор поморщился.

– Ну, конечно, по квартирам твои люди не ходили, потому что отрабатывали другие зацепки, и времени на это пока не нашлось по причине острой нехватки личного состава.

– Семеныч, у нас же не частное детективное агентство. Это ты можешь на каждое дело народу немеряно бросить и за хорошие бабки... ну ты же сам знаешь.

– Ни хрена я такого не знаю. Если ты еще не забыл, Сереженька, я тоже опером полжизни пропахал и на твоём месте сидел, когда о частных детективах у нас только в иностранных книжках читали. И при мне такие улики первым делом отрабатывали.

– Да не ори ты, Семеныч. Ты ж уже не мой начальник, – майор махнул рукой, – ходили мои по квартирам чуть больше часа.

– И что? Устали?

– Я их перебросил на грабеж у Роспромбанка. Успели отработать только одно парадное.

– А после грабежа желание по квартирам шляться у твоих молодцов пропало...

– Не язви, Семеныч. С утра двоих туда отправил.

– Давай, Сережа, наверстывай. Нароят чего, сообщи, – Лесин хлопнул себя руками по коленям, как-будто собирался встать, но остался сидеть.

– Я могу взглянуть на вещи потерпевшего?

– Кроме тех рукописей, – сказал Светин и поднял трубку.

– Ерохин, давай быстро в вещдоки... Да, прямо сейчас... А кто свободен?.. Вот его и пошли. Пусть принесет ко мне вещи с убийства у Мариинского.

Через десять минут перед ними на столе лежал черный полиэтиленовый пакет.

Светин извлек из него тонкий кожаный портфель.

– Пальчики какие-нибудь нашли? – поинтересовался Лесин.

– Только убитого, – ответил майор. Лесин выбил пальцами дробь на столе, затем подвинул к себе кейс и заглянул внутрь. Предварительно прощупав кожу и внутренние перегородки, он выложил на стол содержимое.

Бумажник с кредиткой и небольшой суммой в долларах и рублях, две авторучки, пластиковая бутылочка изпод минералки. И все.

– Скажи-ка, Сергей, – обратился Лесин к майору, – что ты об этом думаешь.

– О чем? – Светин поднял голову и взглянул на содержимое кейса.

– Об этом, – Лесин кивнул на разложенные на столе предметы.

Светин помассировал воспаленные, вероятно от недосыпания, веки и заговорил после небольшой паузы:

– Диана Минина, жена убитого, сообщила, что муж приехал в Питер на какую-то важную встречу. Какую-то консультацию. По какому поводу и к кому именно, она не знает.

– Ну? – Лесин не скрывал нетерпения.

– Вот я и думаю... Человек, приехавший на деловую встречу, более того, из-за границы не может не иметь в портфеле хоть каких-нибудь документов.

– Правильно мыслишь, – похвалил Лесин, – но не совсем. Возможно, каракули, которыми твои криминалисты занимаются, это и есть документы. Убитый был археологом.

Светин пожал плечами и согласно кивнул.

– Откуда такая осведомленность, Леонид Семеныч? Я же о его профессии ничего не говорил.

– Работа такая, – Лесин поднял глаза на майора. – Что это ты напрягся? Ты не нервничай, Сережа, я от тебя информацию не скрываю. Мы с тобой на одной стороне воюем. Если что-то всплывет, ты первый узнаешь.

Еще раз осмотрев вещи убитого, поочередно придвигая их к себе, он сложил их обратно в портфель.

– Сережа, можешь пока чайку организовать?

– Могу чайку, а могу и покрепче, – Светин повернулся к неприметному шкафчику с потертой около ручки дверцей, стоящему возле сейфа за его спиной.

Он распахнул шкафчик, внутреннее содержание которого разительно отличалось от внешнего облика, и гордо повернулся к Лесину:

– Выбирай, Семеныч.

Зеркальные стенки отражали и визуально увеличивали и без того небедное содержание. Разноцветные бутылки с яркими наклейками призывно сверкали от скрытой подсветки.

– Хорошо живут работники уголовного розыска, а все остальные милиционеры им завидуют. Значит, взятки дорогим пойлом берешь?

Сникнувший Светин собрался было захлопнуть дверцу предмета своей гордости.

– Ладно, ладно, не обижайся. У тебя там «Хенесси», если не ошибаюсь? Накапай-ка грамм десять.

– Я смотрю, частные детективы тоже в хороших напитках разбираются, – съязвил быстро отошедший Светин и плеснул Лесину на доньшко пузатого бокала. Себе он налил немного виски.

– Мобильника при нем не было? – вдруг спросил Лесин, снова осмотрев лежащие на столе предметы.

– Не было... – майор хотел сказать еще что-то.

– Ну что ты мнешься, как институтка.

– Его жена сказала, что из дома он вышел с телефоном, – продолжил Светин, – но при нем его обнаружено не было.

– Что значит, не было? Он что, испарился?

– Убийца забрал. Он к трупку после выстрела подходил.

Пистолет бросил рядом с телом и мобильник прихватил.

– Вот как. Это уже интересно. Давай-ка в деталях.

– Опер у меня есть, молодой... лейтенант Савельев. Первый год работает, после школы милиции. Въедливый, как клещ. Это он позвонил жене покойного, когда телефон при нем не нашли. Ему это странным показалось. Сейчас все с мобильниками ходят. Он и выяснил, что телефон у Шацкого был. Слушай дальше, Семеныч, это интересно. Парень в детстве детективы внимательно читал. Он попросил у вдовы описание мобильного. Она сообщила, что у мужа был бордовый «Самсунг». И догадываешься, что мой Холмс сделал? Пошел искать. Облазил с

двумя сержантами несколько соседних дворов. И нашел! Сначала бордовый обломок пластика с крошками. Убийца, очевидно, его раздавил. А еще чуть дальше, в мусорном контейнере, обнаружил то, что от моби́льника осталось.

Светин замолчал, наблюдая за реакцией Лесина. Тот молча ждал продолжения.

– Только вот убийца умный попался. Сим-карту вытащил. Зря Савельев полдня угробил.

– Нет не зря! У нас работа такая, Сережа, искать. Мы поэтому сыщиками и называемся. И твой молодой опер, в отличие от тебя, это очень хорошо понимает. Но это я так, между нами.

* * *

Акко. Израиль. 04.10. 2005 г.

Макс не поехал домой. Народ готовился встретить Новый год. В домах царил предпраздничная суета. Ктонибудь из соседей обязательно затащил бы его за праздничный стол. Возбужденному гомону соседей он предпочел шипение воды и крики чаек.

Макс припарковал машину на прогулочной набережной старого города, рядом с магазинчиком, торговавшим сувенирами. Он поднялся на крепостную стену рядом с церковью святого Джона, не спеша приблизился к проему и посмотрел вниз. Он всегда заставлял себя проделывать что-то похожее. Это было наподобие эксперимента, проводимого им над самим собой. Макс пытался искоренить в себе акрофобию. Один из его знакомых врачей объяснил ему, что так называется страх высоты. Этот же врач убеждал его в необходимости обратиться к психологу. Макс не верил, что медицина может помочь. Он пытался справляться самостоятельно. Принуждал себя выходить на балконы или подходить к окнам на верхних этажах и силой воли удерживал себя, пока не чувствовал головокружение. К таким экспериментам над собой он пристрастился в башне «Эшколь», 30-этажном здании Хайфского университета, его предыдущем месте работы.

Он постоял несколько минут, заставляя себя смотреть на черные волны, разбивающиеся о стену далеко внизу. Закончив сеанс терапии, Макс прошел над ресторанчиком «Абу-Кристо» и спустился к старому порту. На пирсе толкались боками разномастные яхты и рыбацкие барки. Было еще светло, но солнце садилось быстро и день мгновенно превращался в ночь.

Пристроившись на огромном камне, Макс закурил. Догоревшая спичка обожгла пальцы, и он так неловко дернул рукой, что проходившие рядом арабские девчонки, похожие в своих хиджабах на ниндзя, хором прыснули со смеху.

Днем, в Хайфском университете после характерного звонка, известившего о пришедшем сообщении, Макс успел лишь бросить взгляд на экран своего телефона. Он находился в окружении людей и не нашел времени на оценку полученной информации. СМС было необычным. Там он решил, что это ошибка или рекламная кампания фирмы сотовой связи.

Волнение, засевшее в зудевшем подсознании, заставило Макса вновь взглянуть на экран в поезде, по дороге в Акко.

СМС пришло из-за границы. Номер начинался на несколько нулей. Он нажал на кнопки мобильного и вывел сообщение на экран. Собственно, никакого сообщения не было. На экране высветились всего три цифры. Три четверки.

Сидя в вагоне, Макс посмотрел на пролетающие за окном строения промышленных пригородов Хайфы. Он не знал радоваться ему или тревожиться. Причины были и для того, и для другого.

Сейчас он сидел на берегу, слушал шум, разбивающихся о камни волн, вдыхал морской воздух и размышлял. Он понял, от кого пришло сообщение. Он знал, что обозначают эти три четверки. Он думал, как поступить.

Это было послание из прошлого.

* * *

В тот день, двадцать второго апреля девяносто пятого года, они сидели вдвоем в кабинете Лесина и пили виски «Glenfiddich» восемнадцатилетней выдержки. Эта бутылка была припа-

сена полковником для особого случая. Утром Макс сообщил, что увольняется из его детективного агентства. Это был особый случай.

Лесин вертел в руках треугольную коробку с закругленными краями, из которой была извлечена бутылка. От накопившейся усталости, непростого решения об уходе и количества выпитого, мебель и стены кабинета расплывались перед глазами Макса. Он, не отрываясь, наблюдал за единственной четкой картинкой: монотонные движения рук полковника и коричневая коробка, на которой периодически появлялись белые буквы названия напитка под золотистой оленьей головой.

Когда бутылка опустела наполовину, Лесин первым нарушил молчание.

– Четыре...

– Что «четыре»? – не понял Макс и перевел взгляд на грустное лицо полковника.

– Почти все неприятности моей жизни связаны с четверкой. Самая хреновая цифра. Даже «тринадцать» лучше. Хотя... – Лесин на секунду задумался. – Хотя тринадцать – это один и три. В сумме тоже четыре.

Макс многозначительно покивал, не понимая, к чему ведет полковник.

– Началось с того, что в четыре года я упал с качелей и сломал ногу. В четвертом классе полгода провалялся в больнице. Нашли у меня какой-то гастро... хрен выговоришь... денит. И еще куча подобных примеров.

– Ты это к чему? – спросил Макс.

Лесин перестал крутить коробку и пристально посмотрел на него.

– Не понимаешь?

– Нет.

– Сегодня какое число?

– Двадцать второе апреля девяносто пятого года.

– Объясняю: двадцать второе число, два плюс два четыре. Апрель... четвертый месяц.

Это тебе понятно?

– Да. А причем тут девяносто пять?

– Не будь идиотом, – Лесин в сердцах махнул рукой, – девять минус пять – тоже четыре. Хочу, чтобы ты знал, день твоего увольнения, двадцать второе апреля девяносто пятого года, самый хреновый день. Тут не одна... Тут целых три четверки. Запомни это число, опасайся его и помни, что любая связь с ним говорит о неприятностях.

Макс не помнил полковника таким пьяным. Он был уверен, что уже на следующий день Лесин не вспомнит ни одного слова из этого разговора. Он ошибался.

* * *

Звонок телефона прервал воспоминания Макса. Его сотовый проиграл первые аккорды музыкальной темы из фильма «Убить Билла». Он ждал этого звонка. Он нажал на кнопку с зеленой телефонной трубкой и произнес единственное слово:

– Остроумно.

Полковник Лесин на другом конце провода понял, что его раскусили.

– Помнишь? Значит, ты не растерял навыков. Это хорошо, – сказал он, – почему же не позвонил сам?

– Я ждал звонка от тебя, – ответил Макс, – решил сэкономить на разговоре.

– Как сам?

– Обычно.

– Не отрываю?

– У нас Рош-а-Шана.

– А по-русски? Что это?

– Праздник. Еврейский Новый год. 5766-й. Кстати, в этом году праздник пришелся на 4 октября. Поэтому предположу, что ничего хорошего ты мне не скажешь.

- Так ты празднуешь? – Лесин не отреагировал на вывод Макса.
- Праздную.
- Что-то не слышно шума гостей.
- Я праздную один.
- Пьешь шампанское в одиночку?
- Здесь в Новый год не пьют шампанское. Едят яблоки, обмакивая их в мед.
- Тем лучше. Ты мне нужен трезвым и в форме.

Лесин говорил не об одежде, но Макс вспомнил милицейскую форму, которую он не одевал больше десяти лет.

Впрочем, он не носил ее и во время службы.

Полковник Лесин... При воспоминании о бывшем начальнике на лице Макса появилась улыбка. В первый раз он увидел Лесина в середине восьмидесятых. Тогда, после окончания университета и двух лет однообразной работы в школе учителем истории, Макс решил изменить свою судьбу. С легкостью оставив преподавательскую деятельность, он поступил на ленинградские Высшие курсы уголовного розыска.

В аудиторию к слушателям курсов вошел начальник кафедры криминалистики – высокий смуглый подполковник с орлиным носом. «Чингачгук», «Большой Змей», – пронесся по рядам легкий шепоток. Сейчас Макс уже не смог бы вспомнить, родились ли эти прозвища прямо в аудитории или приклеились к новому преподу до этого.

Лесин окинул помещение таким взглядом, словно сканировал присутствующих, и начал лекцию о квартирных кражах. Подполковник долго возмущался глупостью некоторых законопослушных граждан, которых называл трудящимися.

– Это же полный дебилизм трудящихся – положить ключ под коврик перед квартирой и навесить на дверь записку «Вася! Ключ под ковриком!».

С этой лекции началось их знакомство, впоследствии переросшее в дружбу. Подполковнику вскоре наскучила преподавательская деятельность, и он вернулся на «землю». Так случилось, что по окончании курсов, Макс начал трудиться опером под началом Лесина в одном из отделений Невского района Санкт-Петербурга, в те годы еще Ленинграда. А позже, в начале 90-х, когда Лесин в звании полковника уволился из органов и открыл детективное агентство, Максим ушел к нему и проработал почти четыре года до своего отъезда в Израиль.

– Твой сигнал ни о чем хорошем не говорит, – заметил Макс, оторвавшись от воспоминаний. – Ты прав. У меня плохие новости.

Разбившаяся о камни большая волна покрыла Макса фонтаном мелких брызг. Он провел рукой по волосам и не сдвинулся с места. Чтобы вытащить из Лесина любую информацию нужно было приложить усилия. Такой вот нетривиальный стиль. Полковник бросал затравку и ждал, когда к нему обратятся за разъяснениями. Он был способен заставить кипеть даже давно испорченный чайник. Макс начал терять терпение.

– Итак, ты расскажешь, наконец, что означают твои три четверки? – спросил он.

– Убит гражданин Израиля и мне нужно, чтобы мой человек находился близко к месту основных событий, – Лесин умолк на секунду и добавил с надеждой в голосе, – что скажешь?

– У меня два вопроса. Первый: я твой человек?

– Да. Второй вопрос?

Макс отчетливо представил полковника на другом конце провода. В выражении его лица, наверняка, ничего не поменялось.

– Ты считаешь Израиль местом основных событий?

– Да.

– Несмотря на то, что убийство совершено в Питере?

– Да.

Лесин не был многословен.

– Почему?

– Интуиция. Она меня редко подводит. Итак, твой ответ?

– Нет.

Рядом с Максом пролетела чайка. Так близко, что он почувствовал поток воздуха, вызванный взмахом ее крыла.

– Нет, – повторил он.

– Не хочешь объяснить?

– Я должен объяснять?

Лесин ждал. Чайка пролетела обратно, почти коснувшись Макса крылом.

– Пару лет назад я сказал тебе, что больше не влезу ни в какие расследования. Тогда я пообещал это тебе и себе.

С тех пор ничего не изменилось.

Лесин продолжал молчать. На другом конце провода, в другом городе, в другой стране. Полковник хорошо знал Макса. Расстояние не было помехой. Лесин чувствовал, что он не закончил говорить.

– Ты понимаешь, – нарушил Макс затянувшееся молчание, – что то, о чем ты меня просишь, не санкционировано законом. Мне нужно будет действовать на свой страх и риск, в свободное время. Здесь не Россия. Я не хочу играть в эти игры с местным законодательством. Ты же понимаешь, что для эффективной работы и получения результата иногда приходится переступать черту.

– Раньше это тебя не останавливало.

– С тех пор многое изменилось.

– Возьмешь отпуск. Я временно устрою тебя в свое агентство. Выдам удостоверение.

– Тебе сказать, какую часть тела первого же полицейского, к которому я попадусь, будет интересоваться твое удостоверение?

– Не попадайся. Итак, твой ответ?

– Нет.

Лесин снова помолчал.

– А мне казалось, что ты готов что-то сделать ради меня, – наконец произнес он.

– Если бы помощь была нужна тебе лично, а не твоей фирме, сейчас бы я был уже по дороге к тебе.

– А если помощь нужна Диане? – спросил вдруг Лесин. – Кому? – Макса словно поставили под холодный душ.

– Кому? – переспросил он, хотя прекрасно расслышал это имя.

Лесин мялся на другом конце провода, очевидно, собираясь с духом перед тем, как пустить в дело главный козырь.

– Мне позвонила Диана. Помнишь такую? – наконец, решился он.

Диана Минина? Та самая, которая когда-то неожиданно стала такой близкой и которая внезапно исчезла из его жизни.

Голос Лесина из телефонной трубки вернул Макса к реальности.

– Ты куда пропал?

– Я здесь.

– Ладно, соберись с мыслями, подумай... я не тороплю. Надумаешь, звони, – и Лесин повесил трубку, ничего больше не объясняя.

* * *

Санкт-Петербург. Россия. 04.10.2005 г.

Вечером в том же составе они сидели в комнате для совещаний детективного агентства. Утренняя ситуация повторялась. Лесин пришел позже остальных, в пять минут седьмого. Он оглядел сотрудников. Все сидели молча, уткнувшись в бумаги перед собой.

«Никаких зацепок», – сделал вывод Лесин. «Было бы иначе, смотрели бы на меня горящими глазами».

– Виктор, что у тебя?

Маковский оторвал взгляд от стола.

– В том районе у меня два «источника». Оба слышали об убийстве, но ничего конкретного не знают. Дал им два дня.

– Игорь, – Лесин посмотрел на Шанина.

– Я встретился с Дианой Мининой, вдовой убитого. Они прилетели в Питер вечером, накануне убийства. У Шацкого была назначена встреча. С кем, она не знает. Что-то связанное с работой. Она прилетела с мужем за компанию. Говорит, чтобы развеяться, встретиться с подругами. Вечером были дома, то есть в гостинице, отдыхали после дороги.

– С кем контактировали?

–

Диана звонила в Израиль, сообщила родственникам о прибытии. Говорила с мамой и дочкой.

«Значит, Алена переехала к дочке в Израиль», – подумал Лесин. Последний раз он общался с ней около трех лет назад. – «А Иришке, дочке Дианы, сейчас должно быть восемь лет».

– Кроме этого, Борис Шацкий связывался с кем-то по поводу предстоящей встречи, – продолжал Игорь, – сама Диана утверждает, что утром, после ухода мужа, позвонила подруге. Та была на работе. Договорились встретиться вечером. Я позвонил этой подруге, она подтвердила. После этого звонка, Диана около часа гуляла по городу. Говорит, что дошла до Дворцовой и вернулась назад. Дорога действительно занимает примерно час, если медленным шагом. Известие о гибели мужа застало ее, когда она вернулась в гостиницу.

– Она встретила кого-нибудь во время прогулки?

– Говорит, что никого.

«Значит, алиби на момент убийства у нее нет», – по привычке отметил про себя Лесин и тут же отмел эту нелепую мысль.

– Это все? – спросил он вслух.

– Все.

– Алик, что у тебя?

– Был на месте, осмотрелся. Ничего интересного не нашел. До четырех ходил по квартирам. Безрезультатно. Те, кто был дома, ничего не видели. Переписал номера квартир, в которые попасть не удалось. Попробую вечером, когда здесь закончим.

– Попробуй.

– После вашего звонка, подъехал к Светину в Центральный, – Алик вынул из портфеля тонкую черную папку и подтолкнул ее Лесину, – он передал мне копии бумаг, найденных при потерпевшем.

Полковник открыл папку и вытащил оттуда несколько листов. Светин был прав. С трудом различимые строчки с буквами на неизвестном языке. Надо подумать, к кому идти с этими бумагами.

– Игорь, сегодня поможешь Алику с оставшимися квартирами. Завтра в восемь встречаемся в переулке Антоненко. Все свободны.

* * *

Акко. Израиль. 04.10. 2005 г.

Макс зашел домой и с силой захлопнул за собой дверь. Из прихожей он направился к тумбе, на которой стояла фотография женщины. Он зажег свет и остановился, глядя на нее. Это короткое свидание стало ритуалом за последние два года, прошедшие со дня ее смерти. Все это время он винил себя. Макс считал, что Лина Сорина, так и не ставшая его женой, погибла из-за его нерасторопности. Он постоял с минуту, глядя на снимок, выхвативший смеющиеся глаза Лины из одного счастливого момента их жизни. Он вздохнул, нервно провел рукой по лбу и направился в ванную.

Вернувшись в гостиную, он сел в кресло и взял в руки телефонную трубку. Из окна доносились звуки праздника.

Причем здесь Диана?

Макс уже три минуты держал в руках телефонную трубку, не обращая внимания на раздающиеся оттуда гудки.

Что там произошло? Наконец, шум из трубки, которую по-прежнему сжимал в руках, вернул его в реальность. Он нажал отбой и вернул трубку в базу.

Перед глазами возникла Диана. Такая, какой он помнил ее. Худенькая долговязая девчонка. Уже тогда ее рост был около 179 сантиметров. Первокурсница, с огромными черными глазами с хитринкой и с зачесанными назад прямыми темными волосами ниже плеч, схваченными на лбу цветастой повязкой, на манер американских хиппи шестидесятых.

Они познакомились на археологической практике в Псковской области. Вернее, на летней практике перед последним курсом была часть группы студентов-историков, в которой учился Макс. В помощь выпускникам прислали несколько первокурсников. Те прыгали от привалившего счастья. Археологические раскопки в последний момент заменили им работу по уборке урожая в колхозах Ленинградской области.

Днем до седьмого пота трудились, вечерами пели песни у костра. Впервые Макс обратил внимание на Диану, когда пел «Мезозойского танго».

Ты иглой орудовала рьяно,
Не сводя с меня мохнатых век,
Ты была уже не обезьяна,
Но, увы, еще не человек.

После этих слов, худенькая девчушка так заразительно смеялась, что постепенно к ней присоединилась вся группа.

А когда Макс сломал ногу, свалившись в карьер, эта девчушка просидела с ним всю ночь. Вытирала пот со лба и согревала своим телом, стеснительно прижимаясь к нему, когда его трясло, как в лихорадке.

Прервав воспоминания, Макс вновь поднял трубку и набрал номер Лесина.

– Что у вас там стряслось? – спросил он, услышав в трубке голос полковника.

– Позвонил? – ответил тот с ленцой в голосе.

– Что с Дианой?

– Она здесь, в Питере. С ней все в порядке. Хотя какой, к черту, порядок. Убили ее мужа.

– Бориса? – Макс не пытался скрыть удивление. Он замолчал, пытаясь осмыслить услышанное.

Лесин не мешал ему. Он ждал на другом конце провода.

– Ты можешь мне объяснить, что произошло? – продолжил Макс через минуту.

– Она позвонила мне и попросила найти тебя, – закончил он.

Макс снова замолчал. Зачем он понадобился ей? Их разрыв произошел много лет назад. Но их пути по воле судьбы несколько раз пересекались. С ее мужем, Борисом Шацким, Макс учился на одном курсе и поэтому был осведомлен об их отношениях и последовавшей затем свадьбе. В Израиле они с Борисом даже некоторое время работали вместе в Хайфском универ-

ситете. Затем Бориса пригласили в Иерусалим. С тех пор они не виделись. И все-таки зачем? Зачем она попросила Лесина найти его?

Полковник терпеливо ждал на другом конце, не мешая Макс.

– Что там произошло? Но учти, это не значит, что я согласился.

– Четыре дня назад Шацкий прилетел в Питер. Утром следующего дня в проходном дворе, рядом с переулком Антоненко, был обнаружен его труп. И все. Известно только, что он прилетел сюда на какую-то консультацию. Ни к кому, ни по какому вопросу, неизвестно.

Полковник выложил те немногочисленные факты, которые удалось собрать.

– Что ты хочешь от меня? – спросил Макс.

– Немного. Борис Шацкий был историком и археологом, то есть твоим коллегой. Ты же вхож в эти круги. Поинтересуйся, может быть что-то прояснится.

– Поинтересуюсь. Но не более того. И надеюсь, что это последняя просьба такого рода.

Глава 3 Встреча в Старом городе. Список археологов

– С кардамоном, без сахара, как всегда, – официант маленькой кофейни поставил перед Максом белую чашечку чуть больше наперстка. Затем он снял с подноса и опустил на стол запотевший стакан с минеральной водой. Макс кивнул и улыбнулся. Официант улыбнулся в ответ. Он знал о странной привычке постоянного клиента, но предпочитал не задавать лишних вопросов.

Макс не пил кофе. Около года назад он почувствовал, что не может заставить себя выпить даже глоток. Его организм перестал принимать этот напиток. У него начинали слезиться глаза, голова становилась пустой, и возникало желание куда-то бежать. Он приписывал эти ощущения переменам, связанным с возрастом. Макс считал, что уже выпил количество кофе, отвечающее на его жизнь. Он взял чашечку и поднес ее к лицу. Запах нравился ему по-прежнему. Втянув воздух ноздрями, он задержал дыхание и посмотрел вокруг.

Он любил приезжать сюда в субботу. Старый город, словно дремавший всю неделю, в этот день просыпался. Шумел звоном посуды, выкриками рыночных торговцев, цвел пестрыми группками туристов, приторно пах кальяном и смердел залежавшейся на лотках рыбой и прочими морскими тварями. Он напоминал самостоятельный организм со своим настроением, желаниями и запахами жизнедеятельности. Макс, как замороженный, мог просидеть здесь час, наслаждаясь ароматом кофе и наблюдая за происходящим вокруг.

Старым городом называлась часть Акко, находившаяся в пределах городских стен. Аккскую цитадель, в ее сегодняшнем виде, начали строить на развалинах стен крестоносцев в 18 веке, во время расцвета Османской империи.

Здесь Максу был знаком каждый камень. Древние строения разных эпох и стилей наполняли его энергией.

Иногда его как историка раздражало стремление древних завоевателей разрушить все, что было возведено до них. Куда проще и дешевле было бы восстановить разрушенное. С другой стороны, ему было понятно желание новых хозяев избавиться от всего, что принадлежало врагу.

Но так уж повелось.

Были, конечно, и мудрые правители, не трогавшие памятники архитектуры, созданные их предшественниками. К сожалению, таких было не много. Но как раз, благодаря им, Макс имел возможность изучать наследие разных эпох.

Пару лет назад это явилось одной из причин его переезда сюда и начала работы в местном непрестижном колледже. Одной из причин... Была и другая, связанная с делом о чашах пророка Ильи, двухлетней давности...

Внезапно, он что-то вспомнил и улыбнулся своим мыслям. Сегодня была не суббота. Всего лишь среда. Но из-за новогодних праздников в старом городе царила субботняя атмосфера. Это и сбilo его с толку. Еще минут десять и надо идти.

Сегодня нужно было зайти к Саиду в антикварную лавку, притаившуюся в маленьком тупичке восточного базара. Это место не было предназначено для посещений туристами. Реклама ему была ни к чему. Сюда наведывались только проверенные годами клиенты. Многие приезжали из центра страны и даже из Иерусалима.

Хозяин лавки позвонил с неделю назад и сообщил, что клинок, изготовленный во времена Великой Порты, наконец у него. Кинжал с обоюдоострым лезвием с изящной рукоятью золоченого серебра, украшенной

чеканным орнаментом и клеймом мастера. Макс представил себе, как Саид на другом конце провода едва сдерживает эмоции.

Чтобы как-то завуалировать свой интерес, Макс пообещал заехать в лавку дня через четыре, к концу недели. Но обмануть Саида не удалось. Тот знал, что Макс давно ищет этот кинжал для своей коллекции.

– Ну, мучайся, если хочешь, – буркнул антиквар и повесил трубку.

Макс опустил на стол чашечку с нетронутым напитком, залпом выпил воду и поднялся из-за стола.

До лавки Саида нужно было пройти через рыбные ряды. После таких прогулок, въевшийся тошнотворный запах преследовал на протяжении нескольких дней. Но иначе к антиквару не попадешь. В тот момент, когда Макс, набрав в грудь побольше воздуха, уже собрался проскочить лотки с утренним уловом, его кто-то окликнул.

Один из молодых людей, стоявших возле фалафельной, вскинул руку в приветственном жесте, пытаясь привлечь его внимание. Макс узнал его. Станислав Селезнев. Худощавый двадцатипятилетний парень с торчащими в разные стороны темными волосами. Широкая улыбка и чуть вздернутый тонкий нос придавали ему сходство с Буратино. Два года назад Макс преподавал ему историю в Хайфском университете и пару раз бывал на концертах блюзовой группы, в которой Стас играл на харпе. У группы было эффектное название. Кажется, «White blues».

Кроме этого и нескольких партий в снукер их ничего не связывало.

– Рад вас видеть, доктор Кон.

Макс улыбнулся. Вылитый Буратино, не хватало только колпачка.

– В бильярд по-прежнему играете? – поинтересовался Стас. Он был фанатом этой игры и гордился своим бывшим преподавателем, являющимся признанным мастером снукера.

– А не нашли бы время дать мне с друзьями мастер-класс?

Макс не был против.

Обменявшись еще парой общих фраз, они уже собирались разойтись.

– Слышали, что случилось с доктором Шацким? – вдруг спросил Буратино.

Этот вопрос заставил Макса остановиться и вновь повернуться к Стасу. Вот это уже интересно.

– Два за десять, два за десять! Сладкий, красный, без косточек! Хозяин сошел с ума! – заливался где-то рядом торговец арбузами.

– Ты про Бориса Шацкого? – на всякий случай уточнил Кон.

– Про него. Университет уже несколько дней на ушах стоит. Его убили в Питере.

– И что говорят? – спросил Макс, стараясь не показать, что знает об этом.

Стас замялся. Это не укрылось от Макса.

– Разное говорят. Бандиты. Ограбление.

– А это не могло быть связано с его работой? – после этого вопроса во взгляде Стаса проскользнуло удивление.

– С работой? Вряд ли, – он помолчал, – нет, не думаю. А чего вы так решили?

– Насколько мне известно, миллионером он не был, ценности с собой не таскал.

– А в России достаточно того, что ты иностранец. Стереотип такой, если за границей, значит, живешь припеваючи.

– Может быть, ты и прав.

От кучки молодежи, по-прежнему копошившейся около фалафельной, отделилась малодетая девица, пол-лица которой скрывали темные очки.

– Стас, ты скоро? – крикнула она. Селезнев махнул девице рукой и повернулся к Максусу.

– Я должен идти.

– Да, конечно, – сказал Макс.

– Стас, – окликнул он, когда парень отошел на пару шагов, – скажи, а ты не знаешь, зачем Шацкий полетел в Россию?

Парень остановился. Макс показалось, что он простоял спиной к нему чуть больше, чем нужно для обычной реакции человека.

– Об этом все знают, – наконец, повернувшись к Макс, сказал Стас, сделав ударение на слове «все», – он ездил на консультацию к какому-то профессору.

Макс смотрел на него, придав лицу самое безразличное выражение, на которое был способен.

– Фамилию профессора точно не помню, – добавил Стас, предупреждая следующий вопрос, – Лукин или Трохин. Вертится в голове, что в фамилии два слога и заканчивается на «ин».

– Эй, ты идешь? – на этот раз кричал бритоголовый малый. Он был крупнее Стаса.

– Это мой брат Артур, – он улыбнулся, – опекает меня, как нянька.

Макс перевел взгляд на брата. Крупные черты лица, накаченные плечи. Бицепсы, выпирающие из-под коротких рукавов футболки. Братья были совсем разные. Единственное, что придавало ему сходство со Стасом, был вытянутый острый нос, странновато выглядевший на щекастом лице.

– Крепкий у тебя братишка, – заметил Макс.

Улыбка не сходила с лица Стаса.

– Он дайвер, – объяснил парень с гордостью. – Говорят, что один из лучших в Израиле.

– Иди, тебя ждут, – сказал Макс и протянул руку. Ему показалось, что пожимая ее, парень вздохнул с облегчением. Он явно что-то не договаривал. Макса не покидало стойкое ощущение, что Стас знал больше, чем говорил.

Посмотрев вслед пестрой компании, он развернулся и быстро к машине, оставленной за сухопутными воротами у школы морских офицеров. Встреча со Стасом внесла корректировку в его планы. По дороге он позвонил Саиду и отменил встречу.

* * *

Санкт-Петербург. Россия. 05.10.2005 г.

Звонок Макса застал Лесина в дверях перед выходом на службу. Сегодня был один из тех редких дней, когда он сумел выкроить время и заскочить домой на обед. Макс позвонил сразу после того, как Сашок сообщил, что машина внизу.

– Семеныч, нужно искать профессора. Возможные фамилии: Лукин, Фомин, Трохин, Шокин или Фосин. Скорее всего, историк или археолог, может быть этнограф.

– Ты о чем? – не сразу сообразил Лесин.

– Полагаю, что на консультацию с этим человеком Шацкий прилетел в Россию.

– Поконкретнее ничего нет? Ты представляешь, сколько в Питере профессоров с подобными фамилиями? А если окажется, что это Сосин, Мосин, Фокин или Скокин?

– Ты прав, Семеныч. Начни с Фокина.

Лесин замер, не зная, как к этому отнестись. Он не мог определить, серьезен ли Макс или это всего лишь очередная шутка.

– Я не шучу, – прервал Макс размышления Лесина, – так звали нашего преподавателя. Мы с Борисом учились на одном курсе. После университета он продолжил в аспирантуре. Профессор Фокин был его научным руководителем. – Так что ж ты мне голову морочишь?

– Это всего лишь моя догадка. Внезапное озарение. Я не уверен, что это Фокин, поэтому и сообщаю, все что узнал.

Около десяти вечера Лесин, недавно вернувшийся в офис, пытался перевести дух. День выдался напряженным. Перед тем как отправиться домой, он позвонил Макс.

– Это Фокин. Ты был прав.

– Ты уже встречался с профессором?

– Конечно. Он говорит, что о встрече с ним было договорено заранее. Группа израильских археологов обнаружила что-то, имеющее отношение к теме, в которой Фокин является признанным в мире специалистом.

– Что за тема?

– Речь шла об исчезнувшем народе, проживавшем в ваших краях. Звали их... – Лесин подвинул к себе лежащую перед ним папку и зашуршал бумагами, – вот... набатеи. Слышал о них?

– Слышал.

– Ну и молодец. Был такой богатый народ, – продолжал он, не обращая внимания на ответ Макса, – жили себе еще до нашей эры и в одночасье исчезли. Такая вот Атлантида.

– Я знаю о них, Семеныч. Фокин в этой области действительно авторитет мирового уровня. Еще что-нибудь есть?

– Профессор был очень удивлен тем, что Шацкий не появился. Тот, мол, был очень пунктуален и обязателен. Когда я рассказал ему, что произошло, очень расстроился. Но мне показалось, что он больше сокрушался не по поводу смерти ученика, а из-за того, что их встреча не состоится. По его словам, он должен был проконсультировать Бориса по какой-то важной находке. Кстати, – Лесин вдруг сменил тему, – ты там еще не женился?

– Нет.

– А то у профессора Фокина такая ассистентка, что будь я помоложе...

– Семеныч, – спросил Макс, игнорируя последнюю фразу Лесина, – как Диана? Она еще в Питере?

– Пока здесь.

– Ты спрашивал, зачем она полетела с мужем?

– Ничего серьезного. Ностальгическое путешествие. Я ж тебе говорил? Собиралась погулять по городу, встретиться с подругами, развеяться. Вот такой у нее невеселый вояж получился.

– Ясно. Ты от меня еще что-то хочешь?

– Хочу попросить тебя поучаствовать в расследовании.

– Нет, Семеныч. Я же уже сказал.

– Ну, как знаешь. Кстати, когда я сказал профессору, что при убитом были обнаружены кое-какие бумаги, он так возбудился, что я начал беспокоиться за его здоровье. Человек уже немолодой, а здесь одна за другой такие встряски. Когда я сказал, что бумаги у криминалистов, был готов немедленно ехать в управление, чтобы на них взглянуть. Еле его удержал. Объяснил, что бумаги на экспертизе, попросил потерпеть пару дней. Этот настырный старик вырвал из меня обещание, что будет первым, кому я покажу копии рукописей. Я ему их, как мог, описал со слов знакомого опера, который их видел. Он считает, что это копии древних документов, написанных на набатейском варианте арамейского языка, – Лесин сделал паузу и лукаво поинтересовался, – не передумал?

– Нет, – отрезал Макс.

– Дело твое, заставить я тебя не могу. Но пообещай, что выполнишь еще одну маленькую просьбу.

– Говори.

– Побеседуй с людьми из группы археологов, с которыми работал Борис. Ты же понимаешь, что это единственная зацепка.

– У тебя есть список его коллег?

– Нет, но, я думаю, тебе будет несложно это выяснить?

– И в качестве кого я буду задавать им вопросы?

– Они же твои коллеги. Наверняка ты знаком со многими.

Лесин был доволен. Он не разочаровался, когда наткнулся на решительный отказ. Не страшно. Начнем с небольших просьб, незначительных поручений. В этих мелочах Макс ему не откажет. А там втянется. Этот парень, с его-то чутьем и интуицией на уровне инстинктов, был нужен Лесину. Вот, пожалуйста, не прошло и суток, а у него уже результаты.

* * *

Акко. Израиль. 05–06.10. 2005 г.

После разговора, просьба полковника не давала Максиму покоя весь вечер. Попытки хоть на время выбросить ее из головы ни к чему не приводили. Он ворочался в кровати, вставал, курил, ходил по квартире. Он возвращался к мыслям о Диане и ее муже. Кроме сочувствия и воспоминаний, размышления об убийстве археолога вызвали зуд. Он ругал себя за инстинкты хищника, которые подавляли здравые рассуждения. Хватит, наигрался в детектива, – убеждал он себя. Но в глубине его сознания таились страсть к охоте и азарт преследования. Стоило только проявиться какой-нибудь загадке, как они просыпались и начинали постепенно завладевать всеми его мыслями.

Эта слабость Макса была известна бывшему начальнику. Чертов психолог не преминул ей воспользоваться. И все-таки – нет. Макс для себя уже все решил и отступить от этого не собирался.

– Это будет последняя просьба Лесина по этому делу, – проснувшись в восемь утра совершенно разбитым, первым делом подумал он и направился к телефону.

– Доктор Кон?

– Да, это я, Майя.

Секретарша заведующей кафедрой Хайфского университета узнала его по первому «алло». Это приятно удивило Макса. Они не виделись и не говорили с тех пор, как он уволился из университета. То есть, около двух лет.

– Рада вас слышать. Не собираетесь к нам вернуться?– Мы с хозяйкой только вчера о вас говорили.

Заведующую кафедрой Хайфского университета, доктора Тamar Полански, Майя называла не иначе, как хозяйкой.

Через две минуты, Макс решил прервать непрекращающееся воркование секретарши.

– Ты что-нибудь слышала о докторе Шацком?

– Да, конечно. Какой ужас. У нас об этом все говорят. Это так неожиданно. Я до сих пор в шоке...

– А чем он занимался последнее время? – Макс ухитрился вставить вопрос в несмолкающую болтовню секретарши.

– Этого я не знаю. Он же не работал у нас больше полутора лет. Примерно через два месяца после вашего увольнения он перешел в Иерусалимский университет...

Теперь Макс молчал, позволяя Майе выговориться.

– ...у них, как раз открылась тема, которой он занимался. Он в течение двух недель перебрался. Хозяйка пыталась его уговорить, чтобы он остался хотя бы до конца года. Ни в какую. Она даже скандалила, угрожала. Из-за него учебный процесс чуть не развалился. Где в середине года замену найти? Бесполезно. Он слушать никого не хотел...

– Майя, а телефончик его нового места работы у тебя записан?

– К сожалению, нет. Знаю только, что он работал на отделении археологии факультета гуманитарных наук.

Звонок в Иерусалимский университет не принес результатов. Упрямая девица, очевидно, приняла Макса за очередного журналиста, который пытался выудить сведения, представившись коллегой доктора Шацкого.

Без связей получить информацию было невозможно. Не обращаться же, в самом деле, к друзьям в полиции.

Нет, надо самому.
Выход нашелся быстро.

* * *

Иерусалим. Израиль. 06.10.2005 г.

Иерусалимский археолог Цахи Вайс приехал на работу в музей Рокфеллера позже обычного. С утра он заезжал в Старый город. Рабочие, ремонтировавшие канализационные трубы на горе Мория, недалеко от Золотых ворот, обнаружили ступени, ведущие в широкий колодец.

Такое случалось в Иерусалиме довольно часто. Любой из жителей, взявший в руки лопату, чтобы посадить деревце во дворе дома мог наткнуться на развалины старинного поселения или древнее захоронение. Подобными случаями занимался ДДИ – Департамент Древностей Израиля. Его представители выезжали на место, чтобы определить историческую ценность находки.

Цахи работал в ДДИ, расположенном в здании музея Рокфеллера.

Он был одержим археологией. Его панамка армейской расцветки, покрывавшая пылевую к тридцати пяти годам голову, мелькала на раскопках не только в Иерусалиме, но и по всему Израилю. Очки в роговой оправе на бледном небритом лице, болезненная худоба и бросающаяся в глаза неухоженность. Цахи не был женат. Ему никто не был нужен, кроме археологии.

Не обращая внимания на трезвонивший телефон, Цахи налил и медленно выпил стакан воды. Телефон не умолкал, и ему пришлось поднять трубку.

– Доктор Кон? – замешательство на его лице длилось не дольше секунды, – а, Макс! Привет.

От улыбки тонкая кожа на его щеках сложилась во множество мелких складок. С Максом он был знаком более шести лет. Цахи Вайс в качестве представителя ДДИ неоднократно бывал на раскопках, в которых участвовал доктор Кон. Он считал Макса грамотным историком и приятным собеседником. И если вторые на пути Вайса попадались частенько, то первые были редкостью.

– Чем обязан звонку? Ты не проявлялся больше двух лет. Дай-ка догадаюсь... Раскопал дворец царя Давида?

– Нет, Цахи, пока не раскопал.

– Может быть, на худой конец, нашел купальню Силоам?

– Не нашел.

– Ладно, выкладывай, уверен, что-то стряслось.

– Пока ничего особенного... Хотя, если честно, не знаю. Цахи, поройся в своих бумагах и скажи, доктор Борис Шацкий из Иерусалимского университета в этом году участвовал в каких-нибудь раскопках?

– Шацкий? Обижаешь, Макс. Для этого мне рыться нигде не надо. Примерно полгода назад группа, в которой работал доктор Шацкий, получила разрешение в нашем Департаменте на раскопки в старом Акко. То есть, все санкционировано, не придерешься.

– Какие-нибудь публикации по раскопкам уже были?

– Насколько мне известно, пока нет.

– Руководитель раскопок Шацкий?

– Нет, Макс. Руководит раскопками профессор Полак, – Цахи включил компьютер, полагая, что на этом расспросы не закончатся, – ну да, все правильно, профессор Рон Полак.

– Как я понимаю, ты открыл в компьютере списки членов группы?

– Я так и знал, что перед разговором ты тайком пробрался ко мне в кабинет и рассовал повсюду жучки и скрытые камеры, – рассмеялся Цахи.

– Ты меня раскусил, – поддержал приятеля Макс, – ты не можешь распечатать и прислать мне имена участников раскопок? Если, конечно, это не секретная информация.

– Ничего здесь секретного. Давай номер. И надеюсь, ты не будешь затягивать с благодарностью.

Записав цифры на листе с фамилиями, вышедшем из принтера, Цахи сказал:

– Посылаю, иди к факсу.

– Не могу. Я тебе из дома звоню, а аппарат у меня в кабинете на работе. Ты мне пока фамилии зачитай.

– Зачем тебе все это, Макс? Что-то нечисто?

– Пока ничего сказать не могу, извини. Но как только будет что-то конкретное, ты будешь первым, кому я сообщу.

– Ну, как знаешь, – разглядывая список, Цахи задумался.

– Не знаю, поможет тебе или нет, но меня кое-что здесь смущает, – сказал Цахи после короткой паузы, – и знаешь, что? В группе археологов не было ни студентов, ни иностранных граждан, которые, как мухи, слетаются на все подобные раскопки.

– Ты можешь это объяснить?

– Не могу... Впрочем, это могло быть вызвано только тем, что археологи что-то очень тщательно скрывали. Таким образом, они предотвращали возможную утечку информации через неконтролируемых работников.

– Ладно, слушай имена: Рон Полак, руководитель раскопок, Борис Шацкий, Итай Клайн, Дани Смолин, Сагит Бар-Зоар...

– Сагит? – перебил Макс.

– Да. Из Хайфского университета.

– Я знаю.

Голос доктора Кона показался Цахи взволнованным.

В конце, коверкая длинное имя, Вайс назвал Станислава Селезнева.

Глава 4 Паноптикум доктора Кона

Акко. Израиль. 06.10.2005 г.

Жилище Макса находилось в северной части Акко, немного в стороне от других домов, расположенных на последней линии к морю. Широкая полоса спутавшихся кустов высотой более двух метров отделяла двор его дома от песчаного берега. Было трудно придумать что-то более подходящее для жизни отшельника.

Одноэтажное строение с выкрашенными в песочный цвет стенами и покатой черепичной крышей. Гостиная, соединенная с кухней, кабинет и две спальни. Двор, отделенный от дороги и других домов металлической изгородью, густо увитой плющом.

Аскетическая обстановка гостиной состояла из журнального столика, дивана, двух кресел и длинной низкой тумбы. На ней соседствовали маленький черный телевизор и такого же цвета музыкальный центр. Стены украшали три постера. Это были черно-белые фотографии старинных фонарей. У входа висел единственный цветной снимок. Деревянный мостик со связанными между собой перилами, перекинутый через заросший пруд. Противоположная сторона мостика исчезала в тумане.

В каждой спальне стояло по кровати и платяному шкафу. Это придавало бы им сходство с комнатами в дешевых гостиницах, если бы не лежавшие повсюду книги. Макс давно собирался приобрести пару книжных шкафов и навести порядок в библиотеке.

В кабинете стоял письменный стол с компьютером и принтером. На полках, висевших над ним, теснились скоросшиватели с материалами, относящимися к его исследованиям.

Этот дом он купил на деньги из свалившегося на него наследства. По завещанию его погибшего друга Авраама Сохера или, как его называли друзья, БERO, Макс оказался его единственным наследником. У его друга не было семьи. Максу принадлежал и Хайфский дом БERO. Этот дом пустовал. В нем все оставалось так же, как было при жизни друга.

Единственным стоящим предметом мебели в доме Макса был антикварного вида шкаф со стеклянными дверцами, расположенный в кабинете рядом со столом. Он в шутку называл его музеем. Никто не имел права открывать его.

Женщины, изредка бывающие в его доме, по-разному относились к этому маленькому музею. Не понимали, посмеивались, даже ревновали. Лишь в его прежней квартире, где шкаф стоял раньше, рядом с ним была единственная женщина, относившаяся с пониманием к его увлечению. Он отбросил воспоминания, подошел к шкафу и открыл дверцы.

* * *

Они были идеальным орудием убийства в ближнем бою и эффективны на расстоянии до восьми метров от противника. Аккуратно покоились на полках деревянного шкафа. Восемнадцать штук. Коллекция ножей Макса Кона. Они попали к нему разными путями, у каждого была своя судьба, но он любил каждый из них.

Сегодня он взял из шкафа британский кинжал «F-S» времен Великой Отечественной войны. «F-S» Макс подарил БERO, узнав о его пристрастии. А ему этот кинжал достался от его отца. БERO, никогда не распространявший особо на эту тему, проронил как-то, что это не совсем обычный нож. Альфред Кауфман, его отец, во время Второй мировой войны служил офицером в британских коммандос, сформированных незадолго до начала войны. И получил он этот кинжал из рук самого Дадли

Кларка, легендарного создателя коммандос, за какую-то успешно проведенную операцию. Это был именно кинжал подполковника Кларка. У самого основания клинка, с обратной стороны от эмблемы фирмы, было выгравировано: «Lieutenant-Colonel Dudley S. Clarke». Макс

вынул клинок из ножен, обвел его погрустневшим взглядом и вздохнул. Боро уже около двух лет не было в живых.

Положив кинжал на письменный стол, Макс начал готовиться к тренировке. Он выполнял этот ритуал, по меньшей мере, раз в неделю. Началось это под влиянием двух человек, не знакомых между собой. Одного из них звали Рони Като. Этого седого мужчину с азиатским разрезом глаз Макс впервые увидел в парке Матери на Центральном Кармеле в Хайфе. Там у Макса была назначена встреча. С кем, он уже не помнил. Впрочем, она не состоялась. Тот, кого он ждал, так и не появился. Со своей лавочки, в течение получаса, как замороженный, он наблюдал за тем, как на газоне в тени пальмы этот человек выполнял движения, напоминающие ритуальный танец. В руках он держал деревянный нож. Дождавшись конца тренировки, Макс подошел к нему.

– Извини, я наблюдал за тобой.

Мужчина кивнул.

– Этот нож – танто? – спросил Макс, вспомнив, что он читал про японские ножи.

– Танто – это короткий меч, – улыбнулся мужчина, – но сейчас мало кто обращает внимание на такие тонкие различия даже в Японии.

Они вместе поднялись наверх из парка, дошли до гостиницы Дан Панорама и продолжили разговор в открытом кафе со стороны смотровой площадки с видом на залив.

Рони родился в Японии сорок пять лет назад, через два года после образования государства Израиль. Его мать, жительница Хайфы, вышла замуж за японца из Киото. С четырехлетнего возраста дядя отца обучал его комплексу воинских искусств – будзюцу и моральному кодексу самураев – бусидо, или путь воина. В двадцатилетнем возрасте, после смерти отца, Рони с матерью вернулся в Израиль.

До выхода на пенсию в прошлом году, он тренировал бойцов спецподразделений израильской армии.

Из наук дяди-самурая он не оставил лишь фехтование на ножах. Со времени их встречи по меньшей мере раз в неделю они тренировались вместе. Совместные регулярные тренировки прекратились два года назад, после переезда Макса в Акко. Но раз в два месяца они встречались и проводили спарринг.

Макс взял в руки кинжал и присел на ковер, подогнув ноги под себя.

* * *

Через сорок минут, закончив упражнения, Макс отложил кинжал и повязал на глаза приготовленную заранее черную повязку. Этим начиналась следующая часть тренировки. Своим вторым учителем Макс считал отца своего приятеля Сеньки. Им тогда было по двенадцать. Впервые Макс увидел этого человека в черных очках дома у Сеньки, на Песках.

– Кто это с тобой?

– Это мой друг, Максим.

Человек в черных очках подошел к Макс, протянул руку и, глядя чуть выше его головы, сказал:

– Что ты у стены жмешься, друг Максим? Меня зовут Яков Аркадьевич. Можешь звать меня дядя Яша. Проходите, будем чай пить.

Дядя Яша был слепым. Макс не мог в это поверить. Глядя за его действиями, Макс удивлялся их точности и выверенности. Он бодро перемещался по квартире, приготовил пацанам чай с бутербродами. А когда Сенька, подмигнув Макс, бросил отцу маленький резиновый мячик, тот, глядя в другую сторону, с легкостью поймал его.

– Дядя Яша, как вы это делаете? – позже спросил Макс, поборов робость.

– Нужно, парень, перестать чувствовать себя ущербным и развивать другие чувства, – ответил Сенькин отец и с улыбкой добавил, – хочешь научу?

Кто же откажется от такого? Макс часто мечтал, что было бы здорово обладать какими-нибудь сверхъестественными способностями. Тогда он не предполагал, какой огромный труд взвалил на свои худенькие плечи.

Но он не отступил. Четыре, а иногда и пять раз в неделю он ходил к дяде Яше. Тот учил его прислушиваться к себе и видеть окружающий мир. Но не глазами, как все зрячие люди, а при помощи мобилизации других органов чувств, таких, как слух и обоняние.

Дядя Яша рассказывал, что уже давно было замечено, что незрячий человек, подходя к крупному предмету, останавливается на некотором расстоянии, а не наталкивается на него. Эту способность ощущать предметы на расстоянии, не видя их, заметили не только у слепых. Обычные люди в темноте могли непроизвольно остановиться, приблизившись к препятствию.

Такие способности одни приписывали шестому чувству, другие кожным ощущениям. Одни люди ощущают препятствия в виде давления на кожу висков, лба и глазные впадины, другие в виде надвигающейся тени, третьи в виде световых пятен. И только в XX веке ученые определили слуховую природу этих ощущений.

Макс с завязанными глазами слушал кассеты с записями звуков природы и шумов города. Он учился ориентироваться в них, мысленно выделять знакомые звуки из нагромождения шумов.

Макс упорно постигал эту непростую науку. Он ходил по своей квартире с завязанными глазами, поначалу натываясь на стенки и мебель. Но скоро у него начало получаться. Уже через полтора года он мог ориентироваться по звукам и запахам даже в незнакомой обстановке. Своей победой он считал пойманный с завязанными глазами маленький теннисный мячик, брошенный ему дядей Яшей. Это случилось через два с лишним года, после начала занятий. Макс частенько демонстрировал эти фокусы своим друзьям. Он не мог объяснить им, как проделывает эти трюки. Просто, сосредоточившись, он начинал видеть светящиеся контуры препятствий, удаляющихся и приближающихся предметов.

Вспомнив занятия с дядей Яшей, он вышел во двор. На стволе эвкалипта, у глухого участка стены дома, на высоте семидесяти сантиметров от поверхности земли висела спиленная деревянная чурка, метрового диаметра. На спиле были нарисованы две горизонтальных полосы, расположенные параллельно, на расстоянии сорока сантиметров одна от другой. Между ними через центр круга проходила черная вертикальная полоса. Правая и левая часть были разделены тонкими вертикальными полосками, на три прямоугольника каждая.

По этой цели Макс метал ножи. Этими упражнениями он стал заниматься в зрелом возрасте, когда увлекся холодным оружием. Совершенствуя знания, полученные у дяди Яши, он проделывал это и с закрытыми глазами.

Сегодня для тренировки Макс приготовил два ножа из своей коллекции. Первый, австрийский «Глок» с оливковой рукояткой, он вертел в руке, разминая пальцы. Второй был закреплен в специальном механизме на запястье. Это был нож Токаря. Этого мастера, бывшего уголовника, Макс не видел около двенадцати лет. Во время их последней встречи, Токарю было за семьдесят. Макс даже не знал, жив ли он.

Конструкцию второго ножа Токарь разработал сам. Стальные ножны, отделанные тонкой кожей, пристегивались к руке чуть выше запястья. Нож вставлялся в них рукояткой в направлении ладони. Но самой главной гордостью Токаря являлось небольшое пружинное приспособление, удерживающее клинок в ножнах и освобождающее его после незаметного движения руки. Когда он в первый раз продемонстрировал работу механизма, Макс решил, что тот колдун или, по крайней мере, иллюзионист.

Макс с благодарностью вспоминал старого мастера. Два года назад эта вещица спасла ему жизнь.

Он положил австрийский клинок на невысокий столик рядом с собой и расправил черную повязку на глазах. Нашупав нож, он вложил его в руку, отвел ее назад и выбросил в направлении мишени. По характерному звуку Макс понял, что лезвие мягко вошло в дерево.

После слабого взмаха руки, в его ладони, как из ниоткуда, оказалось произведение Токаря. Рукоятка легла в ладонь идеально для предстоящего броска. Ему оставалось лишь на сантиметр переместить большой палец. Он вновь сделал замах и послал нож в цель. Звук повторился почти в точности. Выдохнув, Макс стянул повязку с глаз. Рукоятки торчали из полосы на деревянной мишени на расстоянии пяти сантиметров одна от другой. Он снова натянул повязку на глаза и направился к чурке. Вторая часть тренировки только начиналась.

* * *

– Макс?

– Да, это я.

– Надеюсь, ты меня еще не забыл, – низкий женский голос, казалось, начисто был лишен эмоций и не вызывал никаких ассоциаций.

– Ммм?.. – промычал Макс, силясь вспомнить. Какие-то нотки в голосе были узнаваемы, но ему не удавалось связать их с конкретным человеком.

– Не мучайся, это Диана. Сколько времени мы не общались? Лет пять?

– Уже почти шесть.

– Шесть лет, – женщина помолчала.

– Наверное, у тебя было все в порядке...

– Да. А сейчас у меня беда и я снова звоню тебе. Вот такие женщины. Ты уже знаешь?

– Да. Мне звонил Лесин. Я сочувствую тебе.

– Спасибо. Бориса похоронят здесь, в Питере. Так хочет его мать. Я не стала спорить, – она умолкла. Макс ждал. После паузы она сменила тему. – Леонид Семенович сказал, что ты отказался помочь ему в расследовании.

– Помочь я не отказывался. Но залезать в это с головой у меня нет возможности.

– Макс, помоги мне. Мне почему-то кажется, что без тебя он не справится. Мы же не чужие люди. Ты помнишь?

– Чем я могу помочь?

– Если ты займешься расследованием, мне будет спокойнее.

– Как ты себе это представляешь?

– Я не специалист. Не знаю. Но... Леонид Семенович рассказывал, как у вас все получалось, когда вы работали вместе. Может быть, еще один раз?

– Диана, я живу в другой стране. У меня другая профессия и другая жизнь.

Она молча дышала в трубку. Даже за тысячи километров от нее он не знал, куда себя деть от неловкости ситуации.

– Жаль, – наконец произнесла она.

– Диана, я очень сочувствую тебе, – он заговорил медленно, тщательно подбирая слова, – постарайся понять меня. Этим делом занимаются органы. Насколько я знаю, там очень грамотные ребята. Уверен, что и Лесин подключит сюда свои лучшие силы...

– Я получила письмо по электронной почте, – перебила она, и ему показалось, что Диана решила сменить эту тяжелую тему. – Тут написано: Не нужно ничего предпринимать. Уезжай домой и сиди тихо. Если сунешь нос в это дело, будет хуже.

После этих слов Макс почувствовал неприятное шевеление у корней волос.

– Там есть что-то еще?

– Нет.

– Ты рассказала Лесину?

– Да. Он был у меня. Его ребята пытались отследить отправителя, – она выдохнула. – У них ничего не вышло.

В разговоре наступила длинная пауза.

– Ты прав, Макс, заговорила Диана, – веришь, я даже себе самой не могу объяснить, зачем позвонила тебе? Прости меня. Я завтра возвращаюсь в Израиль. Если сможешь, приезжай ко мне. Просто поговорить, – добавила она излишне быстро и положила трубку.

Он сидел на диване в гостиной, отрешенно разглядывая свои ладони и пытаясь разобраться в беспорядочных мыслях. Диана была права. Он ничего не забыл. У нее беда. Смерть мужа. Оставлять своих в беде было не в его правилах. Кроме того, Диану пытались запугать. Письмо с угрозами человеку, которого он считал близким. В сравнении с этим все его отговорки начинали казаться ему ничтожными. Макс поднялся с дивана и прошел на кухню. Надо было хоть что-то поесть. Он поставил чайник, отошел к окну и с минуту смотрел за стекло. Когда он повернулся к закипевшему чайнику, на его лице появилась недобрая улыбка. Он принял решение.

* * *

Макс исступленно всматривался в список археологов, полученный от Цахи Вайса. Почти все имена были ему в разной степени знакомы. Даниил Смолин – однокашник Макса и Бориса. Насколько знал Макс, он работал на отделении археологии гуманитарного факультета Тель-Авивского университета. В отличие от Бориса Шацкого, со Смолиным Макс не общался со времени окончания университета. Нельзя сказать, что он ничего не знал о Дани. Его статьи в специальных журналах нередко попадались Максиму на глаза.

Дойдя глазами до имени Сагит Бар-Зоар, Макс вновь внутренне напрягся. Как тогда, когда услышал это имя от Цахи. Сагит? Что она делает здесь? Максиму меньше всего хотелось наткнуться на ее имя в этом списке. После встречи Стаса Селезнева в старом Акко, это было вторым совпадением. В совпадения Макс не верил. Значит, какая-то высшая сила толкает его к этому делу. В высшие силы он не верил тоже.

Впервые он увидел Сагит четыре года назад. Тогда она только начала работать в Хайфском университете. Яркая тридцатидвухлетняя брюнетка. Живые глаза, обаяние непосредственности, невысокая стройная фигурка с крупной грудью. Она была специалистом по древним языкам и помогала доктору Кону с подборкой текстов на арамейском. Эта женщина самозабвенно отдавалась работе. По этой причине у нее до сих пор не было семьи. Какой мужчина выдержит многочасовой рассказ о надписях на древних черепках, повторяющийся на каждом свидании. Макс поддался очарованию Сагит с первого взгляда. Он сумел разглядеть под ее напускной веселостью, бесцеремонностью и необъяснимыми внезапными поступками нежность и уязвимость.

Он знал, что тоже нравится ей. Она даже была не против сближения. Но когда Макс понял это, он возвел между ними каменную стену. Тогда у него была другая женщина. После ее смерти, их с Сагит могло связать нечто большее, но Макс оставил университет и переехал в Акко. Они отдалились друг от друга. Кроме редких звонков и коротких встреч, их ничего не связывало. Несмотря на попытки Сагит разрушить возведенную им преграду, он так и не смог заставить себя переступить эту черту. Максиму не хотелось вспоминать об этом. Он вернулся к списку археологов.

Руководителя группы, доктора Рона Полака из Тель-Авивского университета, Макс неоднократно встречал на семинарах и конференциях. Это был грузный мужчина около шестидесяти лет со шкиперской бородкой на землистого цвета лице. Макс без труда вспомнил доктора Полака, благодаря двум неизменным аксессуарам: дымящейся трубке, вечно торчащей из уголка его пухлого рта, и ковбойской шляпе, которую, казалось, он не снимал даже в душе.

Итай Клайн был единственным в этом списке, о котором Максиму не было известно ничего.

Начать Макс решил со Стаса Селезнева. Он был полон решимости выяснить, что скрыл от него молодой стажер при их встрече на базаре старого Акко. Его ждало разочарование. Сотовый телефон Стаса не отвечал.

Поговорив с оператором Золотых страниц, он выяснил номера домашних телефонов всех членов группы, кроме Итая Клайна. Макс не было известно его место жительства.

Домашний телефон Стаса тоже молчал. Не удалось дозвониться и до Смолина. Наконец, он решился и набрал следующий номер. Первой ответившей Макс оказался Сагит.

Глава 5 Страхи Сагит

Хайфа. Израиль. 06.10.2005 г.

В последнюю неделю от волнения все валилось из рук. Для того чтобы отвлечься были испробованы все возможные средства. Она с готовностью подменяла коллег, до позднего вечера пропадала на работе. Не спасало ничего. Книга в ее руках около получаса оставалась открытой на той же странице. В середине фильма вдруг ловила себя на мысли, что не имеет представления о том, что происходит на экране. Даже выбравшись в ресторан с подругой, разругалась с ней и ушла, не дождавшись десерта. Самое неприятное во всем этом было то, что первое время Сагит даже не понимала причин своей нервозности. Вначале она связывала это с предстоящей поездкой в Америку. Но, в конце концов, пришла к выводу, что от грядущей командировки волнение должно быть другим. Приятным. Она летела в Нью-Джерси читать студентам Принстонского университета лекции по финикийской и арамейской письменности. То, что происходило с ней, имело иную природу.

Не выдержав давления своего подсознания, Сагит решила с ним разобраться и проанализировать ситуацию. Действовала она методом исключения с присущей ей педантичностью. Аккуратно записала на белом листке все события, произошедшие с ней за последние две недели и начала вычеркивать одно за другим. В результате двухчасового мучительного самокопания она получила головную боль и одну невычеркнутую строчку. Беспокойство не оставляло ее с тех пор, как неделю назад Сагит узнала о гибели в России ее коллеги Бориса Шацкого.

На кафедре, где ей рассказали об этом ужасном событии, ходили разные слухи. Одни считали, что он стал жертвой русской мафии, другие говорили о распоясавшихся скинхедах. Сведений было мало, но Сагит была уверена, что дело в другом. Тревога занимала все сознание. А то что поделиться опасениями было не с кем, лишь усугубляло ситуацию.

Зачем она ввязалась в эту авантюру. Жизнь ни однажды учила ее, что за необдуманные поступки всегда приходится отвечать. И вот, уже в который раз, она проигнорировала предостережения собственного рассудка. Те несколько человек, которые могли разъяснить ситуацию и успокоить, на телефоны не отвечали.

Ну, ничего. Осталось меньше недели. Она будет далеко отсюда. И тогда можно будет выкинуть из головы все страхи и начать новую жизнь. Пытаясь отвлечься, Сагит с головой погрузилась в предотъездные хлопоты. Она составляла список вещей, которые будут необходимы на новом месте, бегала по магазинам, паковала чемоданы. Благодаря этому, в течение дня беспокойство удавалось отодвинуть на второй план. Но по вечерам, оставшись наедине с собой, она снова не находила себе места.

Вернувшись домой в четверг вечером, она, стесняясь саму себя, вынула из сумки бутылку виски «Lauders».

– Вот так становятся алкоголиками, – подумала Сагит, ставя бутылку на стол. Но страх перед грядущими выходными был настолько велик, что она, не задумываясь, двинулась на кухню, чтобы приготовить стакан и нарезать несколько долек лимона или отломить кусок шоколадки. Неопытная в употреблении спиртного Сагит не была уверена в том, чем лучше закусывать виски.

– Не приготовить ли мне яичницу и залить ее шоколадом? – усмехнулась она. – Нет это напоминает того прыщавого аспиранта, который клеился ко мне после защиты докторской. Сначала тошнит, а потом или втягиваешься или нет.

Она уже устроилась в кресле перед расставленным на журнальном столике натюрмортом, состоявшем из яблок, персиков и одного лимона, когда раздавшийся телефонный звонок заставил ее вздрогнуть.

* * *

Сагит ответила после первого звонка.

– Макс?

В ее голосе звучали удивление, настороженность... и обида.

– Что-то случилось? Ты пропал на три месяца...

– Сагит, нам нужно поговорить, у меня есть к тебе несколько вопросов.

– Нет... не сейчас... Сейчас я не могу.

Он чувствовал, что она борется с собой и чего-то боится.

– Поверь, это очень важно для меня и, думаю, для тебя тоже.

– Я собираюсь в дорогу, и у меня нет даже лишней минуты.

– Это не займет много времени. Я могу приехать к тебе прямо сейчас.

– Нет, не надо, – с поспешностью ответила она, – я очень хотела бы увидеть тебя, но ты выбрал неудачное время.

– Сагит, ты чего-то боишься? – предпринял он последнюю попытку.

– С чего ты взял? Ничего я не боюсь. Ее ответ прозвучал слишком поспешно.

– Послушай, даже если тебя что-то пугает, ты же знаешь, что я не тот человек, который может причинить тебе боль, – продолжал давить Макс, – ты понимаешь это?

– Понимаю, – почти прошептала она и, будто смирившись с неизбежностью, добавила дрогнувшим голосом, – хорошо, приезжай.

Макс поспешил бросить трубку, пока она не передумала.

Через сорок минут, он уже звонил в дверь ее хайфской квартиры. Сагит открыла сразу. Он почувствовал запах ее духов, который ему очень нравился. Это были духи «5th Avenue». Три месяца назад он сам выбрал их ей в подарок ко дню рождения.

Она отошла от двери, приглашая его войти. Макс бросился в глаза беспорядок, царивший в квартире. Он решил, что бардак связан со сборами в дорогу, но тут же отогнал эту мысль. Нет. Здесь не только это. Сагит всегда педантично следила за чистотой. Значит, что-то тревожило ее настолько, что она не смогла заставить себя сделать уборку.

– Что происходит? – В ярком свете гостиной Макс заметил ее красные глаза.

– Ничего. Я просто собиралась запустить кофемашину к твоему приходу.

Он внимательно посмотрел на нее и кивнул.

– Эти кофемашины – очень грустные приборы. От их вида я тоже иногда плачу. – Макс не отрывал взгляда от ее глаз. Сагит не выдержала и отвернулась.

– Выкладывай, что у тебя стряслось, только перестань ломать себе пальцы.

Он вспомнил ее странную привычку, взглянув на ее руки. Когда Сагит нервничала, она поочередно прижимала большие пальцы рук к запястьям, выгибая ладони. Это было смешно и уродливо одновременно.

– Кажется, это ты хотел задать мне несколько вопросов, – Сагит демонстративно развела руки и попыталась улыбнуться, но попытка закончилась провалом и у нее на глазах выступили слезы.

Макс обнял ее и почувствовал запах спиртного. Он окинул взглядом комнату и заметил на столе открытую бутылку «Lauders».

– Я боюсь, – перехватила она его взгляд.

– Я вижу. Пытаешься спрятаться за бутылкой виски. Вы что-то нашли?

– Мы? Нашли? Ты о чем? – она отстранилась и замолчала, глядя в сторону.

– Я говорю о раскопках в Акко. Ты ведь принимала в них участие?

– Да.

После этого она замолчала.

– Ну, вот что, – не выдержал Макс, – если ты хочешь, чтобы я тебе помог, рассказывай по-порядку. Желательно без длинных пауз.

Сагит подошла к столу, взяла бутылку и плеснула себе в стакан. Затем вопросительно взглянула на Макса.

– Уже беспокоился, что ты никогда не предложишь, – усмехнулся он и кивнул.

Она принесла еще один стакан, наполнила его и подала ему. Они чокнулись и выпили по глотку.

– Около двух месяцев назад мы нашли под старым Акко древнюю рукопись. Сразу после этого начали происходить разные странности. Во-первых, об этой находке никуда не сообщили. Хотя в таких случаях, как ты знаешь, предписано незамедлительно информировать Департамент Древностей и Иерусалимский университет, как учебное заведение, под покровительством которого мы работали. Университет выделил деньги на консервацию раскопанного и взял на себя обязанности по публикации результатов. Доктор Полак попросил всех нас держать находку в тайне, – Сагит взглянула на Макса и уточнила, – он руководил раскопками.

– Я в курсе.

Она сделала еще глоток и продолжила.

– Тебе известно, что он ученый с безупречной репутацией. Не возьму в толк, что его на это подвигло. Мало того, он взял со всех обещание скрывать это событие. Как он сказал, до той поры, пока не будут готовы результаты нескольких экспертиз. Как ты понимаешь, уже одно это должно было натолкнуть на размышления. Во-вторых, все волонтеры, помогающие на раскопках были немедленно уволены.

– Что об этом говорят остальные члены группы.

– Да в том-то и дело, что ничего. Ведут себя странно. Такое ощущение, что намеренно избегают общения. Как-будто прячутся. Я пыталась поговорить со Смолиным. Ты же знаешь, какой он всегда веселый и общительный. Но только я заговорила о находке, сразу замкнулся и посоветовал мне не лезть в это дело.

Сагит нервно поежилась, как от озноба.

– После этого у них было совещание. Меня на него не пригласили, – продолжила она.

– Ты видела найденную рукопись?

– Видела. Мне кажется, что мне показали ее лишь потому, что у них не было выбора. Уж очень им не хотелось привлекать дополнительных специалистов со стороны. А я, хоть и лишние глаза и уши, но, в любом случае, внутри группы и уже что-то знаю. Кроме того, я среди них единственный специалист по истории письма.

– И что скажешь?

– Было обнаружено два глиняных кувшина странной формы. Точнее, не два, а один и осколки второго.

– В чем странность формы?

– Они не совсем обычны для того времени, к которому должны относиться. Цилиндрическая форма со слегка зауженным горлышком.

– Вы открыли второй сосуд?

– Нет. Когда я видела его в последний раз, он оставался закрытым. Запаян чем-то наподобие дегтя. В рукописи из разбитого кувшина тоже была странность.

– В чем, Сагит?

– Она была прошита. Ты же знаешь, что в те времена рукописи были в свитках или на отдельных листах. Их не сшивали.

– Это не совсем так, – возразил Макс. – Иногда рукописи соединялись в кодексы – книги, состоявшие из отдельных квартернионов. Они переплетались в дерево, которое обшивали кожей.

– Ты прав, но в те времена самые дорогие книги переплетали только в Египте и Малой Азии.

– Скажешь, наконец, о каких временах ты говоришь?

– По предварительной оценке, сосуды и рукописи относятся к первому или второму векам нашей эры. О нахождении подобных книг в наших местах я никогда не слышала.

– Предположим. Что еще?

– Текст был написан на выделанной козлиной коже и сложен стопкой, в отличие от принятых тогда свитков. Ну, об этом я уже говорила. Вопреки твоему предположению, в книге не было деревянной обложки. Но с двух сторон располагались узкие деревянные дощечки с дырочками, через которые рукопись была прошита.

– Чтобы рукопись не растрепалась, – предположил Макс.

– Верно. И еще одна странность, – вспомнила Сагит, смешно сдвинув брови. – В тех местах, где тогда сшивали книги, это делалось нитями животного происхождения, например бычьими жилами. В нашем случае в дело была пущена прочная льняная бечевка.

– И в чем странность?

– Во время написания рукописи, насколько я знаю, такими бечевками не пользовались.

Сагит поднесла стакан к щеке.

«Охлаждает щеку или согревает виски?» – зачем-то подумал Макс, наблюдая за ней.

– Короче, из-за всех этих странностей, было решено обратиться к консультанту на самом высоком уровне.

– Они сразу выбрали в этом качестве профессора Фокина?

– Я вижу, ты действительно в курсе, – сказала Сагит и покачала головой. – Нет, не сразу. Лучшими специалистами в этой области считаются американский ученый Эдвард Джейсон и русский профессор Игорь Фокин. Доктор Полак, первым делом позвонил американцу. В его офисе ответили, что мистер Джейсон отменил все заранее назначенные встречи и никого не принимает в связи с тяжелой болезнью жены. Тогда пришлось обратиться к русскому. Как я позже узнала, Дани Смолин и Борис Шацкий учились у профессора Фокина. Доктор Полак, предпочитавший обратиться к американцу, вынужден был согласиться. Фокину звонил Смолин. Он договорился о встрече, но сам лететь не смог. По какой причине я не знаю.

Для консультации с профессором Фокиным в Россию полетел Борис, – она вдруг сжалась, – и вот... его убили. Я уверена, что из-за этой рукописи. До моего отъезда всего два дня... целых два дня. Мне очень страшно. Ты не поверишь, считаю часы, оставшиеся до отлета.

– Какого отлета?

– К счастью, лечу в Америку, в Нью-Джерси. Получила приглашение из Принстонского университета. Буду читать студентам курс лекций по финикийской и арамейской письменности.

– Так что ж ты дергаешься? До отлета уж точно ничего не произойдет.

– Надеюсь.

– Знаешь... есть единственный человек, ради которого я бы постаралась побороть свои страхи и могла бы остаться, – она подошла вплотную к нему и нашла взглядом его глаза, – но этому человеку нет до меня никакого дела.

Макс положил руки ей на плечи и привлек к себе.

– Ты же знаешь, что это не так, – сказал он.

– Нет, не знаю. И ты не делаешь ничего, чтобы переубедить меня. Пропадаешь месяцами, внезапно появляешься и снова исчезаешь. У тебя всегда найдется куча причин, чтобы держать меня на расстоянии, – она положила голову ему на плечо. Минуту они стояли молча.

– Что было в той рукописи? – спросил он.

Она отстранилась от него, разведя руками. Вот подтверждение того, что я вновь оказалась права, – говорил ее жест.

– Чтобы знать содержание рукописи, с ней надо было работать. У меня в руках она находилась меньше одного дня. Я смогла лишь по очевидным признакам подтвердить, что рукопись древняя. Приблизительная датировка создания – где-то в районе первого – второго веков.

– Борис взял что-то с собой?

– Как ты понимаешь, оригинал он брать не мог. Но и с пустыми руками ехать на консультацию не имело смысла. Полак собрал совещание. На этот раз я присутствовала. Сканирование рукописей мы отменили сразу. Это могло их повредить. Обсуждали, как поступить. Оцифровка таких документов, это долгий и трудоемкий процесс. Решили переснять некоторые листы.

– Фотографировал кто-то из группы?

– Нет. Для этого пригласили профессионального фотографа. Он был чей-то знакомый. Затем переснятые листы для Шацкого распечатали на принтере.

– Ему объяснили, что он фотографировал?

– Не знаю. Скорей всего он ничего не знал. Я же говорила, что все было окутано тайной. Его использовали втемную.

Сагит сделала последний глоток и поставила пустой стакан на стол. Затем медленно встала, подошла к нему, обняла ладонями его голову и прижала к себе.

– Спасибо, что приехал. Сейчас мне спокойно. Первый раз за последние дни, – наклонившись, она поцеловала его в макушку. Он чувствовал частое биение ее сердца. Мягкий аромат духов на секунду вызвал головокружение.

Макс аккуратно отстранился, снял ее руки и поднялся.

Его напрягала неловкость ситуации.

– Вот оно – волшебное влияние виски, – попытался отшутиться он. Сагит едва заметно нахмурилась и отошла.

Она не пыталась скрыть разочарования.

– Я лечу послезавтра, – сказала она, – проводишь?

Часть 2 Набатея

Глава 6 Незаменимый

Акко. Израиль. 07.10.2005 г.

Макс снял трубку после третьего звонка. Звонивший ответил не сразу, и он уже собирался нажать отбой.

– Спасибо тебе за проделанную работу, – Лесин был официален и вежлив.

– Не буду предлагать тебе обращаться в любое время, ты сядешь на шею. Впрочем, ты и так уже сидишь.

– Вот как ты относишься к старому учителю. Значит, я сижу у тебя на шее?

– Сидишь. Давай только честно, ты позвонил сейчас, чтобы просто сказать спасибо?

На другом конце наступило долгое молчание. В это время Макс разглядывал стоящую перед ним чашку холодного кофе с подсохшей на стенках пенкой и не делал попыток продолжить разговор.

– Макс, давай поговорим серьезно, – наконец прозвучал в телефоне голос Лесина.

– Я и до этого не шутил.

– Ты мне нужен, – полковник не обратил внимания на его ерничество.

– Семеныч, я давно не опер, понимаешь? Я не имею отношения ни к милиции, ни к прокуратуре, ни к детективным агентствам. Я живу в другой стране, которая даже не относится к ближнему зарубежью. Зачем я тебе?

– Ты сейчас это продекламировал, чтобы послушать дифирамбы в свой адрес? Ну что ж, изволь.

Макс не первый раз замечал, что когда Змей нервничал, в его формулировках проскальзывали старообрядческие нотки.

– Ты сколько уже там, в своем дальнем зарубежье? Десять лет? Так вот, представь, что я до сих пор не нашел тебе замену.

– Это очень приятно. Еще комплименты будут?

– Ты стал циником.

– Значит, больше комплиментов не будет. Ты плохо подготовился.

– Наглым бесстыдным циником. Но если... Если ты... Короче, если тебе... – Лесин никак не мог сформулировать свою мысль.

– Мне бы хотелось, чтобы ты пообещал не произносить речь на моих похоронах, – усмехнулся Макс.

– Веселишься?

– Только не нужно обижаться, – Макс повертел в руках чашку и добавил, – лучше напрягись и, не заикаясь, расскажи, как там Питер?

* * *

Санкт-Петербург. Россия. 07.10.2005 г.

– И кто такой этот Макс Кон? – спросил Игорь.

– Макс? – полковник Лесин обвел глазами сотрудников. В начале девятого вечера все еще находились в агентстве. Они уже собирались расходиться, когда он сообщил всем о прилете Макса.

– Тридцать пять лет назад я получил первое офицерское звание лейтенанта. В отставку ушел полковником. Четыре года возглавляю свое агентство. Под моим началом за эти года прослужило много народа. Я хорошо знал большинство из них. Достоинства, недостатки. Среди них частенько попадались толковые ребята. Но Макс Кон был лучший из всех. За всю мою карьеру.

Лесин встал, снял пиджак и повесил его на спинку стула.

Виктор, сидевший ближе других к начальнику, заметил выступившие у него на лбу капельки пота. Это выдало его волнение. Полковник сел и провел ладонями от бровей к короткой стрижке. Затем его руки опустились на стол. Он снова был спокоен. Говорил тихо и медленно.

– Он находил решение любой задачи, попадавшей к нему.

– Но он же ушел из органов, – с сомнением вставил Алик.

– На это у него были причины. Есть еще вопросы? – Лесин оглядел присутствующих и остановился на Викторе, лицо которого искажала саркастическая улыбка, – хочешь что-то сказать?

– Скажу, Леонид Семеныч. Отличный сюжет получается: на помощь бездарностям приезжает супергерой из-за бугра. Мое скудное воображение сразу нарисовало образ гениального сыщика из «Бременских музыкантов».

Алик с Аллочкой хмыкнули. Улыбнулся даже сдержанный Шанин.

– Ему нет равных, – продолжал Маковский, – он пошевелит извилинами и найдет супостата. Мы тут вкалываем сутками, чтобы на хлеб с маслом заработать, а ему это расследование, чтобы развлечься. Он элита человечества, герой супербоевика. Приезжает, чтобы победить плохих парней. И делает он это из сострадания к нам, лохам и неумехам. А мы будем наблюдать за работой этого сверхчеловека и осознавать, как отстаем в развитии.

– Закончил? – спросил Лесин.

Маковский пожал плечами.

– Молодец. Ждешь аплодисментов от благодарных слушателей? Не обольщайся, оваций не будет. Повторяю специально для тебя: этот человек будет здесь по моей просьбе, а это значит, что факт его приезда не обсуждается. Попрошу негативные эмоции держать поглубже и показать себя гостеприимными хозяевами. Это касается всех.

Один за другим детективы покинули комнату для совещаний. Лесин знаком попросил Маковского задержаться.

– Виктор, тебе нравится у меня работать?

Вопрос застал Маковского врасплох. Он лишь кивнул.

– Тогда я хочу сказать тебе кое-что с глазу на глаз, – продолжил Лесин, – я прошу тебя по возможности воздержаться от своих штучек. Они начинают действовать мне на нервы. Побереги мое психическое здоровье.

Лесин наблюдал за Виктором. Он видел, что разговор тому неприятен.

– Я понимаю, что иногда тебе бывает сложно справиться с собой. Но я прошу тебя постараться. И чтобы не быть голословным – санкции. При первом срыве, неделю будешь работать за еду. При втором, мы распускаемся. Если тебе не подходят условия, я хочу знать об этом сейчас.

– Все в порядке, шеф, – произнес Маковский.

Лесин покачал головой и вышел из кабинета.

* * *

Тель-Авив. Израиль. 08.10.2005 г.

По дороге в аэропорт Бен Гуриона Макс заехал за Сагит. Ее рейс вылетал почти на час раньше. Они подъехали к новому третьему терминалу чуть раньше шести. В это время здесь уже было оживленно. Аэропорты живут своей собственной жизнью. В такой ранний час, зачастую, здесь бывает больше народу, чем днем. Толпы людей с красными глазами, бегающие дети, с торчавшими вверх надутыми шарами разных цветов и форм. В первый момент это было похоже на причудливый праздник. Посмотрев на этот карнавал, через пять минут Макс решил для себя, что красные глаза большинства людей не от выпивки, а от недосыпания. А дети носятся не от радости, а от нервного напряжения, передающегося им от взрослых.

Табло показывало, что рейс Сагит вылетает через полтора часа. Регистрация подходила к концу. Он подкатил тележку с ее чемоданами к стойке и перегрузил их на конвейер с весами. Пока она проходила регистрацию, он наблюдал за ней. Спокойное сосредоточенное лицо, уверенные движения. В ее облике ничто не напоминало о страхах последних дней. На секунду он почувствовал, что не хочет ее отпускать. Сагит перехватила его взгляд и улыбнулась.

Он проводил ее до работников безопасности аэропорта. Дальше провожающих не пускали. Она резко повернулась к нему, обняла и, приподнявшись на цыпочках, чмокнула в щеку.

– Будь осторожен, береги себя, – шепнула она. Не дожидаясь ответных слов, отвернулась и быстро пошла в зал отлета. Она так и не увидела с опозданием поднятую в прощальном жесте руку Макса.

До его рейса оставалось время. Он принялся бесцельно слоняться по залам, пытаясь приглушить тоскливое чувство, вызванное расставанием.

На все проверки и сдачу багажа у него ушло не более получаса. Он перешел в зал вылета и купил чашечку эспresso и стакан минеральной воды. Зал был похож на солнце с детских рисунков. Большой диск, с разбегающимися в разные стороны лучами. В центре многочисленных кафе, в лучах магазины безналоговой торговли. Он сел за свободный столик поближе к солнечному ядру. В этом зале люди казались более расслабленными. Все нервирующие формальности остались позади.

Накануне вечером ему позвонила Диана. Они допоздна засиделись на телефоне, перебирая воспоминания. В конце Макс рассказал ей о своем решении и о предстоящем полете в Питер. Да, он постарается помочь Лесину. Но не стоит ожидать от этого результатов. Он давно не в органах, а такие перерывы на пользу не идут.

– Спасибо, – прошептала Диана после этих путаных фраз. Затем он задал ей несколько вопросов. Из ответов на них он не узнал ничего, кроме того, что уже рассказал ему Лесин. Муж прилетел в Санкт-Петербург на консультацию, связанную с его работой. Она увязалась за ним, чтобы повидаться с подругами, развеяться и поменять обстановку.

– Встретимся в Питере? – спросил Макс.

– Я вряд ли смогу выбраться, – ответила Диана. – Все время провожу с Шацкими, семьей Бориса. Помогаю в организации похорон.

Макс выпил воду, оставив кофе нетронутым. В ожидании своего рейса, он сидел и наблюдал за беспорядочной возней отъезжающих...

* * *

Санкт-Петербург.Россия. 08.10.2005 г.

Аэропорт Пулково встретил его такой же возней.

Выйдя из здания, Макс сразу заметил крупную фигуру Лесина. Выскочивший из ниоткуда молодой человек, попытался выхватить сумку. Макс инстинктивно вцепился в ручку. Полковник небрежно махнул рукой, мол, не дергайся – это мой. Макс прекратил сопротивление и позволил парню завладеть своим багажом. Он подошел к Лесину. Они обнялись.

– Ну, Семеныч, ты просто чудо как нежен, – стараясь скрыть волнение, выдавил из себя Макс. Он высвободился из железных лап Лесина и добавил, – сейчас начнешь мне ласковые слова рассказывать...

– Как и был, пацан, – полковник ослабил объятия и махнул рукой.

– Целоваться не будем? – на всякий случай поинтересовался Макс.

– Размечтался.

Черная «хонда» выехала на Московский проспект по направлению к центру.

– Сейчас поедem ко мне в офис, душ примешь, перекусишь, – Лесин обрисовал ближайшие планы, – потом займемся делом.

Санкт-Петербург был серым и притихшим. Осенняя изморось сделала улицы пустынными. Люди предпочитали находиться в помещениях. Несмотря на равнодушный прием города, на душе Макса было тепло.

Он разглядывал пролетающие за окном дома и мосты, пытался рассмотреть мелькающие лица редких прохожих. Город постарел на десять лет, но, благодаря косметике, его фасады выглядели вполне прилично.

Максу вдруг захотелось увидеть свой Питер. Былой, неотреставрированный. От Московского вокзала по Старо-Невскому, заглядывая в пересекающие его советские улицы. Бабушка называла их Рождественскими, а весь район – Песками. Здесь прошло детство. Он вспомнил, как гулял с Линой из параллельного класса и зимой, несмотря на мороз, они доходили до Таврического сада. Здесь дрался с суворовскими пацанами...

Пусть говорят, что питерское небо нагоняет тоску, подавляет желания, сдерживает порывы, Макс был убежден в обратном. Атмосфера города вселяла в него жажду деятельности, стремление к движению.

– Ну, о чем задумался, – Лесин прервал накатившие воспоминания, – приехали. Машина остановилась в Мучном переулке.

– И где офис? – спросил Макс, выходя из «хонды».

– А ты угадай, – ухмыльнулся Лесин и, не дожидаясь ответа, направился к декорированному мрамором входу. Макс поспешил за ним, успев прочитать на вывеске только слова «Частное детективное агентство...».

Полковник показывал ему офис.

– Здесь приемная. Аллочка – секретарша. Знакомьтесь. Это – мой кабинет, там – ребята сидят, а вот – технический отдел. Внутри все было обставлено на широкую ногу. Размах впечатлил Макса. «Цены за аренду, конечно, запредельные и на оборудовании Змей явно не экономил», – пронеслось у него в голове.

– Что, крышу снесло? – гордо улыбался Лесин.

«Да, хорошо у вас оплачивается отслеженная неверность», – подумал Макс, но, побоявшись обидеть полковника, решил не говорить этого вслух.

* * *

Чтобы представить Максу своих сотрудников, Лесин собрал всех в комнате для совещаний.

– С Максимом Юрьевичем меня связывают годы совместной службы. Несмотря на то, что сегодня он трудится в другой области...

– ...Другом городе и даже другой стране... – вполголоса в тон начальнику продолжил Маковский. В комнате раздалась сдержанная смешка. Лесин решил не наказывать наглеца. Он даже улыбнулся, чтобы показаться демократичным.

– Да, в другом городе и в другой стране. Но я до сих пор прислушиваюсь к его мнению. Вам тоже советую.

– Виктор Маковский, – представил его полковник. – Еще бы букву «я» и был бы однофамильцем пролетарского поэта.

Виктор отвернулся и покачал головой.

– Это моя сладкая месть, – обратился Лесин к Макс, – они же меня – старика до сих пор между собой Змеем называют.

– Наше присутствие не портит ваше счастливое воссоединение? – поинтересовался Виктор, – может быть нам уйти?

Лесин проигнорировал это замечание и поочередно представил остальных сотрудников.

– А сейчас мы поделимся мыслями по делу. Можно высказывать даже самые глупые предположения. За бугром это называется мозговым штурмом. Глядишь, что-то интересное и всплывет. Начнет Виктор. Давай, шутник.

Маковский обреченно покачал головой. За необдуманные поступки приходилось платить.

– Работал профессионал, – начал он, – здесь спорить не о чем. Во-первых, способ совершения убийства. Использовалось огнестрельное оружие, от которого убийца тут же избавился. Во-вторых, место совершения такого рода убийств – это дворы и подъезды жилых домов, лестничные клетки или, как в нашем случае, проходные дворы. То есть на маршруте следования жертвы.

– А если его убили по ошибке? – вставил Алик, – ждали кого-то другого, а подвернулся Шацкий.

Все повернули головы в его сторону.

– Ну, это же мозговой штурм, – промямлил он, смущенный таким вниманием.

– Это маловероятно, – ответил Виктор. – Я думаю, что киллер ждал конкретного человека, идущего на конкретную встречу.

Лесин жестом попросил Маковского подождать.

– При убийстве по ошибке обычно не посылают писем с угрозами родственникам жертвы. Или у тебя есть аргументы в поддержку твоей версии? – обратился он к Алику. Тот покачал головой.

– Если они созреют, мы их выслушаем. Позже. Продолжай, Виктор.

– В пользу того, что работал профессионал, говорит и время совершения убийства. Киллеры обычно работают с 8 до 10 утра в рабочие дни, когда потерпевшие идут в гаражи за автомобилями, посещают банки, офисы, едут на службу, или, как в нашем случае, на встречи. Вторым по частоте нападений является вечернее время, между 18–20 часами, когда потерпевшие заканчивают работу, выходят из своих фирм, банков, учреждений, возвращаются домой, ставят автомобили в гаражи или на стоянки, участвуют в различных мероприятиях. На остальное время приходится около 40 процентов посягательств, исключая период с часа ночи до семи часов утра, когда «заказные» убийства почти не совершаются.

Во время этой лекции по криминалистике, Лесин украдкой поглядывал на Макса. Тот рисовал что-то на листе бумаги, изредка посматривал в окно, затем возвращался к рисованию. Судя по внешнему виду, явно скучал. Лицевые мышцы напрягались, подавляя зевоту.

– Если это предположение верное и убийца действительно профессионал, тогда можно рассматривать следующие варианты, – продолжал Маковский.

– Первый – это заказное убийство. Второй – киллер устранил Шацкого по личной инициативе. В нашем случае я отдаю предпочтение первому.

– Почему? – задал вопрос Лесин.

– Трудно представить, что ученый-историк мог насолить чем-то профессиональному киллеру. Пути этих людей обычно не пересекаются. Надеюсь, никто не будет спорить...

– Я буду, – головы присутствующих повернулись к Макс. Голос принадлежал ему. Это удивило полковника. Он был уверен, что тот уже дремлет.

– Вы сказали, что профессия потерпевшего историк. Я уточню, он был археологом. Знаете, с чем имеют дело археологи?

– С раскопками и поиском древних артефактов, – высказал предположение Алик. У него был вид ученика, ожидающего отличную оценку на уроке истории.

– Верно, – кивнул Макс. – И такие находки зачастую стоят огромных денег. Собиратели древностей охотятся за подобными штуками по всему миру. Очень состоятельные коллекционеры могут позволить себе содержание профессиональных искателей с хорошим образованием. Эти люди не разборчивы в методах приобретения заинтересовавших их предметов.

Чтобы достичь цели, они не останавливаются ни перед чем. Коллекционеры победнее действуют самостоятельно или обращаются за помощью к криминальным структурам. Есть еще «черные археологи». Но эти обычно ищут сами, а не охотятся за уже найденным.

– Я считаю, что убийство Шацкого не было заказным, – продолжал Макс, – вероятнее всего это дело рук охотников за древними сокровищами. Нужно проверять, чем занимался потерпевший в последнее время. Что искал и что нашел.

– Максим Юрьевич, вы уже это выяснили? – догадался Алик.

– Частично. Прежде чем рассказать о последней работе Шацкого, я умело подвел вас к этой версии.

Впервые за вечер Макс улыбнулся.

– Нетривиальный подход заграничного интеллектуала, – прошептал Виктор, наклонившись к Алику.

– Ты в курсе, что я тебя слышу? – Макс повернулся к шутнику с лицом, на котором не осталось следов недавней улыбки. – А теперь послушай меня. Заграничный интеллектуал может быть грубым. Заткнись, Маковский.

Лесин поймал взгляд Виктора, брошенный на него. Вероятно, он вспомнил об их уговоре.

– Не кипятись, нам же вместе работать, – примирительно подняв вверх руки, сказал Маковский.

– Может, обнимемся по этому поводу? – не глядя на него, отрезал Макс.

Лесин наблюдал молча, предпочитая не вмешиваться в обмен любезностями взрослых мальчиков. Макс Кон продолжил после короткой паузы.

– Израильская группа археологов, в которой работал потерпевший, обнаружила древние рукописи. По дате создания и по значимости эта находка сопоставима со свитками Мертвого моря.

* * *

Квартира, которую по распоряжению полковника сняла для Макса Аллочка, находилась в пятнадцати минутах ходьбы от агентства. Лесин подбросил Макса в его временное жилье и поднялся в квартиру вместе с ним.

– У тебя все в порядке? – спросил он.

– Вполне. Что-то не так?

– У тебя грустные глаза.

– Люди иногда грустят.

– Я наблюдал за тобой, Макс. Они у тебя такие всегда. Даже когда ты пытаешься шутить.

Макс пожал плечами. Они вошли в квартиру и прошли в гостиную. Свет не зажигали. Комната была освещена уличными фонарями и горящими огнями рекламы.

– До сих пор думаешь о ней и винишь себя? – Лесин говорил о Лине, подруге Кона, погибшей два года назад от руки убийцы, по следу которого шел Макс.

– Думаю. Потому что таких больше нет, – отвечая полковнику, он смотрел в окно. Мерцающие огни рекламы раскрашивали его лицо в разные цвета. – Виню. Потому что она погибла из-за меня. Может быть, объяснишь, как мне с этим жить?

– Жизнь продолжается, – произнес полковник и, ему стало неловко от вырвавшейся банальности.

– Я и живу. По его взгляду Лесин понял, что такое его жизнь.

– Живу... Когда не проходит дня, чтобы не вспомнить ее и когда невозможно найти места, чтобы скрыться от ежедневно пожирающего чувства вины.

– Говорят – время лечит, – сказал полковник и тут же мысленно выругал себя за очередную банальность.

– Я уже два года лечусь. Улучшений нет. Пытаюсь спрятаться в работе, в тренировках. Но эта терапия не действует надолго.

– А ты попробуй другую. Если лекарство не помогает, его нужно менять. Найди себе женщину, заведи детей. Ты же молодой совсем.

– Прекращай. Я не записывался на твои курсы создания семьи, в качестве способа залечивать душевные раны.

– Молодой и циничный.

– Хорошо, будем искать женщину и заводить детей, – сдался Макс. Полковник сообразил, что у того нет сил выслушивать наставления, но сразу остановиться не смог.

– Знаю я, как ты ищешь, – Лесин махнул рукой. – Ладно, отдыхай.

Он повернулся и направился к выходу.

– До завтра, – буркнул полковник на пороге и захлопнул дверь.

Спускаясь по лестнице, он подумал, что было верным решением, оставить в баре бутылку «чиваса».

Глава 7 Свежий взгляд

Санкт-Петербург. Россия. 09.10.2005 г.

К переулку Антоненко они подъехали ровно в восемь утра. Чтобы ввести Макса в курс дела, Лесин захватил с собой Маковского и Алика.

Сашок припарковал «хонду» в переулке, напротив арочного прохода и остался в машине.

К месту убийства Макс подошел с Виктором и Аликом. Лесин на шаг отставал от них. Он похлопал Виктора по плечу.

– Давай.

– Причиной смерти явилось огнестрельное ранение в лобную часть головы, – начал Маковский, – никаких других повреждений нет. Ни внешних, ни внутренних.

– Пулю извлекли. Стреляли из пистолета СПС с большого расстояния, – вставил Лесин, перехватывая инициативу.

– Что значит большого, Семеныч? С трех километров? С пяти? – спросил Макс.

– Большого для пистолета, умник. Метров с двадцати. Но потом стрелявший подошел к труп.

– Вот бы на пистолетик взглянуть.

– А кто тебе мешает?

Макс удивленно посмотрел на Лесина.

– Можешь взглянуть, говорю.

– Нет, Семеныч, с тобой работать нельзя. Ты чего сразу не сказал, что оружие у вас. Ты меня зачем звал? Поеду-ка я домой. Какой смысл даже из тебя информацию клещами вытаскивать.

– А, конечно, езжай... Но если бы ты не перебивал меня после каждого слова...

Макс поднял ладони, показывая, что будет нем. Он услышал, как остановившийся в двух шагах перед ними Виктор шепнул Алику:

– От светила криминалистики утаивают информацию, оне недовольны и даже негодуют.

В ответ Алик хмыкнул.

– Пистолет лежал рядом с трупом. Только так и определили, что он подходил. Больше никаких следов, – продолжал Лесин. Он видимо не слышал реплику Виктора или решил на нее не реагировать.

– А где пистолетик сейчас? – спросил Макс.

– У Кольки Журова на экспертизе.

– У дяди Коли? Он до сих пор работает?

– К счастью работает. Не представляю, что делать буду, если он на пенсию уйдет. Если хоть какая-то зацепка есть, Колька обнаружит. Да ты и сам знаешь, что я распинаюсь. А на пенсию он не уйдет. Как-то уходил... Неделю не было, потом вернулся. Говорил, что на рыбалку будет ездить. Потом рассказывал, что больше трех дней этого выдержать нельзя. На четвертый взвыл от скуки. На пятый все рыболовные снасти соседу подарил и через недельку прискакал обратно.

Лесин дал знак Маковскому продолжать.

– А скрылся злодей вот здесь, – Виктор показал на дверь, ведущую в проходной двор. – Она была закрыта на щеколду с той стороны. Убийство хорошо подготовили. Даже если бы здесь случились посторонние, ему бы не смогли помешать. Пока бы щеколду ломали, убийца бы исчез. Там вариантов отхода немеряно.

– Хитро. А по квартирам ходили? Есть свидетели?

– Опера из отделения начали обходить, но успели немного. По всем квартирам пройтись – здесь неделя нужна, – Виктор смотрел Макс в глаза.

– Я не спрашивал, сколько на это требуется времени, я спросил, есть ли свидетели?

После этого вопроса, Лесин удивленно взглянул на Макса. Тот ждал ответа от Маковского.

– В тех, что успели обойти, никто ничего не видел, – ответил Виктор, отводя глаза.

Макс взял протокол осмотра места происшествия, подошел к припаркованной у входа в арку «хонде» и опустился на пассажирское сиденье. Он углубился в чтение, отрываясь лишь затем, чтобы привязать приложенные фотографии к реальности. Через десять минут он вышел из машины, еще раз взглянул на фотографии трупa и огляделся. Мысленно выделил сектор в десять градусов, отсчитал двадцать восемь шагов. В заключении экспертизы указывалось, что стреляли с расстояния около двадцати метров. Он остановился у выхода из арки с правой стороны рядом с нишей глубиной сантиметров сорок. Очевидно, в этом месте раньше была стена. Ниша образовалась в месте ее примыкания к арочному проходу. Макс стал в нишу. Огляделся. Идеальное место для стрельбы. Поймал на себе взгляд, наблюдающего за ним Лесина.

– Стреляли отсюда.

– Что это нам дает?

По-прежнему стоя в нише, Макс указал Лесину и Виктору на два ряда окон.

– Убийца ждал здесь. Думаю, не менее получаса. Те квартиры единственные, из которых просматривается это место, – он посмотрел на Маковского. – Уверен, что их жители в числе тех, которых опросить не успели. Прежде всего, нужно поговорить с ними. По словам профессора Фокина, он ждал Шацкого к девяти. Это же время, с погрешностью в полчаса определено в результатах экспертизы, как время смерти. Людей нужно спрашивать обо всех подозрительных личностях, вертевшихся здесь во временном интервале между восьмью с четвертью, до начала десятого.

Зазвонил мобильный полковника.

–

Нам нужно вернуться в агентство. У меня важная встреча. Заодно решим, что делать дальше.

* * *

В агентстве Лесина ждали. У его кабинета сидел молодой парень. На его коленях лежала папка для бумаг. Полковник кивнул ему и прошел вовнутрь. Парень последовал за ним.

Макс с Виктором и Аликом зашли в комнату для совещаний. Он сел за стол, потянулся за бумагой и заметил ржавое пятно на рукаве рубашки.

– Пойду, сполосну руки, – сказал он, встал и вышел. Он толкнул дверь. Она не закрылась до конца, оставив небольшую щель. Замешкавшись на секунду, он остановился и услышал, как Алик вполголоса говорит Виктору:

– Где это он успел испачкаться?

– Это, Алик, называется чванливость, понты и стеб, – Маковский говорил громко.

– Стеб – это явление, – продолжал он, отвечая на незаданный вопрос Алика, – явление социальное и безграничное. Обычно присуще людям, которые пыжаться показать себя на несколько уровней выше, чем являются на самом деле, но по сути ничего из себя не представляющим.

– Ну что ты, – возразил Алик, – по-моему, он толковый мужик.

– Вот-вот, – еще одно подтверждение. Им обычно удастся произвести впечатление на неискушенных.

Макс не стал ждать снаружи продолжения разговора. Он распахнул дверь и вошел.

– Что ж мне так не везет в жизни, – начал он, остановившись у входа и не обращаясь ни к кому конкретно.

– Обязательно найдется кто-нибудь, кто хочет пошутить на мой счет. Да хрен с ними, пусть шутят. Но они же норовят это сделать поунизительней. А давайте-ка попробуем пошутить в лицо.

Алик не отрывал глаза от пола. Виктор своих не прятал. Но и он не произнес ни слова.

– В таких случаях почему-то обычно шутки кончаются. Обидно. Так хотелось послушать, – он взглянул на Виктора, – ты же так свежо шутил.

– Ну что, Виктор, жги, как пролетарский поэт, твой однофамилец, – сказал Макс и прибавил, – почти...

В комнату зашел Лесин.

– Что здесь у вас?

– Анекдоты рассказываем, – ответил Макс.

– Что-то лица у вас для анекдотов невеселые.

– Сейчас очередь Маковского, а он все анекдоты забыл.

– Ничего, по дороге вспомнит, – Лесин раздал Виктору с Аликом поручения и отослал их из кабинета.

– Когда закончите, подскочите к Мариинскому, пройдите по тем квартирам, – бросил Макс вдогонку. Он обратил внимание, что Виктор взглянул на Лесина, недовольно скорчившись. Полковник в ответ, едва заметно кивнул.

– Что произошло? – спросил Лесин, когда те вышли.

– Не знаю, Семеныч, как к этому относиться. Обязательно в мужском коллективе меня кто-то невзлюбит. Чем я им не угодил?

– Не расстраивайся. Это от зависти, ты же у нас красавчик, – Лесин посмотрел на него и прищурился, – я надеюсь для тебя не так важно, чтобы мужики тебя любили? Макс пожал плечами.

– Правильно, пусть тебя лучше бабы любят, – улыбнулся полковник и добавил, – если хочешь, я ему гонору поубавлю.

– Не маленький, сам разберусь.

– Ну, как хочешь.

– Знаешь, что не дает мне покоя? – спросил Лесин, возвращаясь к делу.

Макс поднял на него глаза.

– То, что убийца ничего не взял. Ни документы, ни бумаги. Не вижу мотива.

– Возможно, что убийца не должен был допустить встречи Шацкого с Фокиным. Это по поводу мотива. Почему не взяли копию бумаг? Да потому, что у убийцы или заказчика она уже была или они имели возможность ее получить.

Макс открыл протокол осмотра места преступления и углубился в чтение.

– Кто такой, этот Савельев? – спросил он минут через пять.

– Молодой опер из третьего. А что?

– Въедливый парень.

– Ты тоже заметил? Это он здесь все облазил и сотовый Шацкого нашел.

– Он обратил внимание даже на маленькое пятно желтоватой субстанции под подбородком жертвы, – Макс указал Лесину на протокол.

– Из него может получиться толковый сыщик. Я на него давно глаз положил.

– Вижу. Ты же любого более менее способного хватаешь когтями, как коршун мышь. Семеныч, оставь пацана в покое... хотя бы на пару лет. Не порти ему жизнь. Признайся, переманить задумал?

– А ты что, детский психолог? Охраняешь молодежь от матерых охотников за юношескими мозгами? Не переживай. У меня штат укомплектован. Может быть, когда-нибудь... А пока, пусть на земле опыта поднаберется.

– Знаем мы вас, извращенцев. Тебя всегда на молоденьких тянуло. Мне, помнится, года два прохода не давал, пока к себе не переманил.

– Грамотная команда – залог успеха. И дело тут не в возрасте. Но, ты прав, толковых нужно высматривать в самом нежном возрасте. Их следует правильно воспитывать и от всякой швали оберегать, чтобы не испортили.

– Можешь мне лекции не читать. Я с твоей тактикой давно знаком, на собственной шкуре, – Макс снова заглянул в бумаги, – скажи лучше, что там с этим пятном.

– Парень, который меня ждал, был от Журова. Он как раз привез мне результаты экспертизы этой хрени. По заключению экспертов, это мед.

– Мед?

– Да, причем самый обычный, из стеклянной банки.

– Значит, потерпевший мед уважал.

– В том то и дело, что он его терпеть не мог. Я уже с Дианой поговорил. Кроме того, он был чистоплюй до безобразия. Зубы чистил не только по утрам и вечерам, но и после обеда. Умывался, раз по пять за день. До сих пор не пойму, почему он профессию археолога выбрал. Там ведь пачкаться приходится.

– Значит, по дороге от гостиницы к профессору, он нигде вымазаться не мог. Вывод: убийца случайно капнул или сознательно вымазал. Можно отсюда что-то извлечь?

– Ни хрена ты не извлечешь. Я ж тебе говорю, что мед магазинный, из баночки, чуть ли не синтетический. Их и жук, и жаба, все покупают. Это же тебе не тронутые пасечники, которые своих пчелок на что-то определенное сажают, на гречиху или на еще какие-нибудь вереск с клевером. Короче мед нас никуда не приведет.

– Посмотрим, – кивнул Макс, думая уже о чем-то другом.

– Пора съездить к дяде Коле, – повернулся Макс к полковнику.

– Давай, а по дороге подумаем *cui bono*, – произнес Лесин, забираясь в машину.

– Семеныч, говори по-русски.

– Ты не понял, что я сказал?

– Ты сказал, кому это выгодно.

– Тогда в чем дело?

– Я ненавижу латынь.

* * *

В маленькой комнатке, с выкрашенными в желтый цвет стенами, Макс и Лесин сидели за обшарпанным столиком, напротив Николая Сергеевича Журова, пожилого сутулого человека, в сдвинутых на кончик носа очках с тяжелой коричневой оправой.

Оба, Макс и Журов, были рады встрече. Они не сдерживали эмоций и не стеснялись своей сентиментальности. Первые четверть часа были потрачены на воспоминания.

Первым не выдержал наблюдавший за этим со стороны Лесин.

– Ну, как бабы, ей-богу. Хватит, а то я сейчас расплачусь, – прервал он ностальгические беседы. – Может, делом займемся?

По его просьбе эксперт достал из сейфа оружие с места преступления и положил на стол. Макс взял пистолет и повертел его в руках.

– Самозарядный пистолет Сердюкова. Калибр девять миллиметров, боевая скорострельность – тридцать шесть выстрелов в минуту, прицельная дальность – сто метров, емкость магазина – восемнадцать патронов.

– Все верно, Максим, – подтвердил Журов, – могу добавить, что ударно-спусковой механизм двойного действия и еще он известен под неофициальным наименованием...

– ...«Вектор», – вставил Лесин, – и два года назад, в 2003-м, он официально встал на вооружение ВС и МВД, а в настоящее время есть и у ФСБ.

– У этого пистолета есть еще одно название... – попытался продолжить Журов, но Лесин не дал ему договорить. – Прекращайте умничать, знатоки. Что еще, Коля?

– Номеров нет, но пистолет армейский, – заметил Журов, пожав плечами.

– Почему?

– Вот смотрите, царапинки маленькие видите? Он указал на еле различимые потертости на внутренней части рукоятки и под стволом. В некоторых оружeyках был специальный стенд для хранения пистолетов. Какой-то умник из военного НИИ придумал. Надо было как-то зарплатy немеряные по тем временам отрабатывать. Зачем такие стенды нужны были, я до сих пор понять не могу, но произвели их довольно много. От них эти царапинки и остались.

* * *

Вечером в Мучном переулке Макса и Лесина ждал Алики.

Он подошел к ним, широко улыбаясь.

– Что сияем? – поинтересовался полковник.

– Есть результат. В одной из квартир, на которые указал Максим Юрьевич, я обнаружил пенсионера. В тот день он видел, как во дворе вертелся Сизый.

– Кто это?

– Известная личность. В начале девяностых принадлежал к тамбовской группировке. Говорят, был у них кем-то вроде чистильщика.

– Говорят?

– В суде из одиннадцати эпизодов с горем пополам был доказан один. И в этом одном он выступал в роли соучастника. Так что, кроме слухов ничего нет. Сизый отсидел семь лет.

– Где он сейчас?

– В Центральном. У Светина, в обезьяннике.

– Что рассказывает?

– Ничего. Говорит, гулял. Ни где, ни с кем не ясно. Алиби нет. Никто его на прогулке не видел.

Макс отозвал Алику в сторону.

– Молодец, – сказал он парню, вложив в это слово побольше сарказма.

– Почему?

– В прошлый раз поквартирный обход делал ты?

– Я.

– С этим пенсионером говорил?

– Говорил, – Алики опустил глаза.

– И как ты тогда профукал эту информацию?

– Он ничего не сказал. Наверное, забыл. Но теперь я заставил его вспомнить.

– Может быть, я Змею скажу, чтобы он тебе орден дал?

– За что, Максим Юрьевич?

– За то, что ты молодец.

Он отвернулся от Алики и посмотрел на улицу. За окном было темно. Затем взглянул на часы. Они показывали пятнадцать минут десятого. Лесин, наблюдавший за Максом, очевидно, по-своему истолковал его взгляды. Он придал лицу виноватое выражение.

– Замучили тебя совсем?

– Я не устал. Ты на себя в зеркало посмотри. А я все-таки немного моложе.

– Ладно, поехали по домам. К себе не зову. Заснем за столом и не поговорим по-человечески. Посидим в другой раз. Завтра с утра – к Фокину. А потом с Сизым пообщаемся.

Глава 8 Проводники пустыни

Санкт-Петербург. Россия. 10.10.2005 г.

Утром заехал Сашок.

– Здесь же пешком два шага, – удивился Макс.

– Вождь велел, – коротко ответил водитель. Макс покачал головой. – Мы сейчас не в офис. Он вас у профессора Фокина ждет, Максим Юрьевич, тут рядом.

Они съехали с Невского и вскоре повернули в переулок Крылова. Его водитель резко затормозил, кляня образовавшуюся пробку. Перед ними через три машины длинная «вольво» пыталась втиснуться на единственное парковочное место. Пока Сашок нетерпеливо сигналил, Макс рассматривал старую многоэтажку по правую сторону дороги. 14 лет назад во дворе этого дома изуродовали машину одной известной актрисы. В «жигулях» разбили стекло, вытащили радио и прихватили кожаную куртку с заднего сидения. После этого чем-то тяжелым помяли крыло, наверное, разочаровавшись небогатой добычей. Макс занимался этим делом с Васькой Колесниковым. Тогда, в первом парадном, во время поквартирного обхода, симпатичная бабулька вдруг посоветовала обратиться в КГБ.

– Ты, баб, нас еще в Смольный пошли, – разозлился тогда Васька.

– Ты не серчай, сынок, это у нас на пятом Круглов Геннадий Борисович живет, – объяснила бабуля, – так его здесь все КГБ зовут. Он инвалид, всегда у окошка сидит.

У постоянно ворчавшего Васьки пропал дар речи, когда, поднявшись на пятый этаж, они увидели дверь, к которой были аккуратно прикручены три металлические буквы – К.Г.Б.

Через десять минут они были на месте.

– Это здесь, – припарковав машину, показал Сашок, – третий этаж, пятая квартира.

Дверь открыл бодрый старичок и вопросительно посмотрел на Макса.

– Профессор Фокин, ваш покорный слуга, – церемонно представился он, – меня зовут Игорь Саввич. Пожалуйста, проходите, – он немного наклонился и вытянул руку в направлении комнаты, – ваш коллега вас ждет. А мы с ним уже около полчаса беседуем.

– Не узнаете, Игорь Саввич?

Профессор пристально посмотрел на Макса. Через секунду во взгляде его учителя сверкнула искра.

– Максим? Не может быть.

– Это я профессор. Изменился?

– Да, да, да, да, – скороговоркой пропел старичок. У него получилось что-то похожее на 5-ю симфонию Бетховена. – Повзрослел, возмужал, но такой же мальчишка.

Фокин был небольшого роста, полноват. Без единой морщины лоб плавно переходил в лысину. Седые волосы на висках и затылке заворачивались наверх. Это напоминало прическу персонажа из какого-то старого мультика. В самом низу носа пристроились узкие очки в прямоугольной оправе. Профессор смотрел поверх них.

– Вот ведь какая петрушка, – бормотал профессор, пока Макс проходил по длинному коридору, – надо же, Боря умер... Ты уже знаешь. Пожалуйста, в библиотеку, вот сюда.

В небольшой комнате, которую Фокин назвал библиотекой, удобно расположившись у письменного стола, сидел Лесин. Поздоровавшись с ним, Макс осмотрелся. Кроме стола с компьютером в углу, вдоль стен громоздились старые чешские полки. Составленные одна на другую почти до потолка, они, очевидно, не вмещали всех книг, так как несколько книжных стопок выстроились прямо на полу.

– Прошу прощения за бардак, Максим, – профессор проследил его взгляд, – работаю, видишь ли, все должно быть под рукой. Могу я предложить тебе кофе?

– Чай, если можно.

– Да, да, да, да, конечно. Анечка! – крикнул Фокин, – будьте любезны, стаканчик чаю.

Пока Макс рассматривал книги, в комнате бесшумно появилась девушка, поставила чай на стол и также бесшумно вышла.

– Послушай, Максим Юрьевич, какие профессор интересные вещи рассказывает, – подал признаки жизни Лесин, – Игорь Саввич, вы не могли бы повторить все с начала для моего коллеги?

– Коллеги? Да, да, да, да, – снова пропел Фокин, – конечно, конечно. Две недели назад сюда позвонили из израильского университета. Говорили с Анечкой. Просили о консультации. А после этого со мной связался Борис и мы договорились о встрече. Он сказал, что хочет проконсультироваться по некоторым вопросам, касающимся древних цивилизаций. Он рассказал, что живет в Израиле, работает в университете, занимается археологией.

– Он сказал, о чем конкретно хочет с вами поговорить?

– Да, да, конечно. Он говорил, что на раскопках их группой были обнаружены древние рукописи. Он собирался показать мне копии небольшого отрывка. Они считают, что язык рукописей арамейский. Как вы знаете, на этом языке говорил Иисус. Но израильские археологи уверены, что это набатейский вариант арамейского. Если это так, то находка поистине бесценна.

– В чем ее ценность? – спросил Лесин.

– Возможно, это документы, созданные набатеями.

– Набатеями? – переспросил полковник и посмотрел на Макса, – ты о них что-нибудь знаешь?

– Это народ, живший на территории Иордании и юге современного Израиля. Их столицей была Петра. Сейчас она считается одним из чудес света.

– Верно, Максим. В то время, когда учились вы с Борисом, в университетской программе о них не упоминали. О набатеях мало кто знает. Но ты историк. И неудивительно, что Леонид Семенович о них не слышал, – заметил профессор.

– Я живу в Израиле, Игорь Саввич. Случалось, водил экскурсии, хотя у меня несколько иная специализация. Бывал и на раскопках набатейских городов.

– Все разъехались... – покачал головой профессор. Он хлопнул ладонями по коленям. – Ну что ж. А по поводу Набатей я тебе Максим искренне завидую. А я, знаете, занимаюсь этой темой, а в Израиль ни разу не выбрался. Правда, в Петре бывал неоднократно. Потрясающее зрелище. Кстати, Борис, по его рассказу, заинтересовался набатеями как раз после экскурсии на раскопки Авдата. Это один из набатейских городов, – объяснил он, обращаясь к Лесину.

– Набатейское государство принято, – он задумался, – идеализировать, что ли, даже в научных кругах. Документов, дошедших до наших дней, очень и очень мало. Да и те, которые есть, найдены совсем недавно, во второй половине двадцатого века и еще не до конца изучены. Я имею в виду так называемые «архивы Бабаты».

– А почему Борис обратился именно к вам? – спросил полковник.

На этот вопрос ответил Макс.

– Потому что профессор Фокин является одним из признанных специалистов по этому вопросу. Во всем мире ученых такого уровня можно пересчитать по пальцам. Я знаю только профессора Джейсона из Америки. А в России, если не ошибаюсь, Игорь Саввич единственный.

– Максим преувеличивает мои достижения. Кстати, израильские коллеги собирались обращаться за консультацией как раз к Эдварду Джейсону. Он крупный авторитет в этой области. Но по какой-то причине он не смог их принять. Тогда они обратились ко мне, – сказал профессор, разведя руками. Боря говорил, что нашел меня через интернет.

– Профессор, а может быть, вы расскажете нам о них поподробнее, – попросил полковник.

– Да, да, да, да, разумеется, – Фокин промокнул носовым платком вспотевшую лысину, – только вам придется запастись терпением. Рассказывать мне придется долго.

– Терпения у нас хватит, времени тоже достаточно. Вы уж постарайтесь ничего не упустить.

– С вашего позволения, я приглашу сюда свою ассистентку. Во-первых, она занималась организацией нашей встречи с Борисом. Головка у нее светлая, уж точно ничего не упустит. А во-вторых, она филолог. Кстати, тема ее работы связана с языком набатеев, арамейским.

Профессор вышел и вернулся через несколько секунд. Она вошла вслед за ним. Девушка, первое появление которой в комнате прошло незамеченным. Ростом около 170 сантиметров. Стройная, гибкая, легкая.

«Светлую головку» украшали роскошные темные волосы до плеч. Большие серые глаза, маленький прямой носик, усыпанный милыми веснушками. Широкие скулы и немного крупный рот совершенно не портили ее, а, напротив, дополняли детское обаяние.

– Анечка Белецкая – моя аспирантка, – представил ее Фокин. – А это – господа детективы.

Лесин и Макс, привстав, назвали себя. Полковник при этом даже галантно раскланялся.

– Аня у нас красавица, – улыбнулся Фокин, заметив взгляд Макса.

Она смущенно, по-детски, опустила голову,

Профессор занял место за столом, но садиться не стал.

– Итак, поговорим о набатеях, – начал он. – По-моему, этим народом невозможно не заинтересоваться. Услышав о них один раз, пытаешься узнать все больше и больше. Ведь это что-то вроде исчезнувшей Атлантиды. Рождение их цивилизации окутано тайной и исчезли они как-то внезапно.

– Набатеи, – профессор сделал театральную паузу, как-будто читал лекцию своим студентам. – А вы знаете, почему этот народ окружает столько тайн и загадок? Создается ощущение, что они прилагали огромные усилия, чтобы скрыть всю информацию о себе. Свою историю писали все. Египтяне – на стенах храмов, жители Вавилона – на глиняных табличках, евреи – на свитках. Короли и правители столетиями описывали свои войны и победы в них. Набатеи как будто отказывались вести свою летопись. Стены их храмов чисты, в их городах нет библиотек. Это особенно странно, потому что почти каждый из набатеев умел читать и писать, даже пастухи, о чем свидетельствуют надписи, вырезанные на надгробных камнях и стенах каньонов. Почему они не писали свою историю? Какие тайны они так старательно хранили? Ведь даже древние историки Греции и Рима, писавшие о набатеях, рассказывают, как изобретателен был этот народ в том, чтобы скрыть свою историю.

Слушая Фокина, Макс тайком наблюдал за Аней. Она увлеченно слушала профессора, наверняка, не в первый раз. Ему нравилась ее реакция, выражение ее лица.

– Рот закрой, – шепнул Лесин, перехватив его взгляд, и толкнул Макса в бок.

– Но это еще не все. Вот вам еще загадка, – продолжал Фокин, – набатеи были кочевниками, живущими в пустыне в палатках, поэтому совершенно невероятно как они сумели за очень короткий срок построить завораживающие, вдохновляющие и иногда пугающие памятники. Великолепный город Петра настолько внушителен, что даже в наши дни захватывает дыхание у современных туристов. Обратите внимание, что и этот город был скрыт в скалах. Попасть в него можно только пройдя через трещину в горе. Этот проход длиной более километра и шириной от трех до шести метров зажат между высокими, около ста метров, стенами каньона. Почему они скрывали этот город? Почему он был построен в такой спешке всего за несколько лет до рождения Христа? Тысячи памятников и склепов были установлены в этом скрытом городе и затем внезапно набатеи отдали свою империю под власть римлян и практически бесследно исчезли со сцены истории. Почему? Почему? Почему?.. Так кто же такие эти набатеи?

Их империя в ее пике протянулась от современного Йемена до Дамаска и с запада Ирака до Синайской пустыни.

Так утверждают некоторые историки и я в их числе. Насколько была велика их территория, в действительности сказать не может никто.

За годы, следующие после завоеваний Александра Великого, они смогли стать одним из наиболее успешных коммерческих обществ на Ближнем Востоке.

– Каким образом? – спросите вы. Дело в том, что набатеи умело использовали свое знание караванных путей и морских маршрутов. У них был развитый и хорошо оснащенный флот с такими портами, как Айла, современный город Акоба в Иордании, на Красном море и порт в Газе на Средиземном море. Но вернемся все-таки к караванам, потому что это был основной источник их доходов. Удивительным способом они водили караваны через пустыню и сформировали вполне надежный доступ восточных товаров на западные рынки. Я полагаю, что набатеи водили караваны, не пользуясь водой, которая была в распоряжении местных племен, зачастую настроенных к ним враждебно. Они создавали свои собственные системы водообеспечения, недоступные никому, кроме них. Они создавали сложные конструкции для сбора и хранения дождевой воды, своеобразные подземные цистерны, местонахождение которых обозначали тайными знаками. Смысл их был доступен только им самим. Таким образом, только они имели возможность привозить товары из стран Востока и продавать их на Западе. А товары, скажу я вам, были самые разнообразные. В Египет, Грецию и Рим они везли масло, сахар, лекарства, духи, хлопок, шелк, корицу, имбирь, а в Индию и Китай – хну, асбест, ткани, стекло, золото и серебро. Именно поэтому их караванный путь был назван Шелковым путем или Дорогой пряностей.

– Как же, как же, эти названия мы слышали, – показал свою осведомленность Лесин.

– Да, эти определения, безусловно, знакомы многим, – Фокин улыбнулся и продолжил: – Кроме того, они передавали с Запада на Восток и с Востока на Запад новые идеи и изобретения. Они становились монополистами, а монополисты, как известно, сами устанавливают цены на свои услуги. И цены эти были, как выражается современная молодежь, заградительными. Это вызывало недовольство их соседей. Некоторые даже собирали армии, чтобы сокрушить зарвавшихся торговцев. И всякий раз набатеи чудесным образом избегали войн.

Как они это делали? Вопрос непростой. Может быть тайны, окружавшие их, и являются ответом на него. Или дело в том, что, как писал древний историк Диодор, у набатеев были все предпосылки оставаться независимыми. Их страна не имела ни рек, ни обильных весен. Они не сеяли хлеб, не выращивали плодовых деревьев, не строили дома в пустыне. Может быть, это и сдерживало армии врагов от вторжения на их территорию. Ответ на этот вопрос, я думаю, нам уже не удастся получить. А набатеи продолжали водить караваны, торговать и богатеть до того момента, как в 106 году нашей эры Nabatea, покорившись римскому императору Траяну, стала называться римской провинцией Западная Аравия. И, как я уже говорил, набатеи исчезли со страниц истории и вместе с ними исчезли и их сказочные богатства.

Профессор обвел взглядом присутствующих.

– То, что я вам сейчас рассказал – это лишь короткая прелюдия. О набатеях можно говорить бесконечно, но я, наверняка, уже утомил вас своей болтовней.

– Должен сделать еще одно важное замечание, – он поднял вверх руку, – то, что набатеи не писали своей истории, не значит, что они не писали вообще. Они с большим почтением относились к умершим. Поэтому самые многочисленные свидетельства их эпистолярного творчества мы можем видеть на захоронениях. Но существование набатейского письма является косвенным свидетельством существования самостоятельной набатейской литературы. К сожалению, произведения набатейских писателей до нас не дошли. И все же древнегреческий историк Диодор сохранил для нас изложение набатейского фантастического романа о приключениях некоего Йамбула.

Фокин задумался, очевидно, пытаясь не упустить не что важное.

– Я уже упоминал о найденных совсем недавно, во второй половине двадцатого века, набатейских записях. Они известны под названием «архивы Бабаты». О них намного лучше меня расскажет Анна Георгиевна. А пока, Анечка, предложите нашим гостям еще по чашечке кофе, – он взглянул на Макса, – и чая.

* * *

Макс вышел на кухню, помочь Ане принести кофе. Она улыбнулась ему. Макс наблюдал за ее ловкими уверенными движениями. Аня приблизилась с двумя чашками кофе. – Вот эти готовы. Можно нести.

Она подошла к нему так близко, что их бедра соприкоснулись.

– Почему вы занимаетесь этим делом? – спросила она вдруг.

Макс молча смотрел на нее, ожидая продолжения.

– Вы же не работаете в милиции.

– Может быть, я частный детектив.

– Думаю, нет.

– Почему?

– Не знаю. Интуиция, – она, не стесняясь, рассматривала его, – вы выглядите не как частный детектив.

– Кроме симпатичной физиономии, у меня полно других достоинств. Одно из них то, что когда-то я работал в уголовном розыске. Интуиция вас подвела.

– Лишь частично. Насчет симпатичной внешности вы заблуждаетесь. Самая обычная, не льстите себе, – она улыбалась, глядя ему в глаза. – И работу в уголовном розыске я бы к достоинствам не относил. Несите кофе. Остынет.

Не найдя, что ответить, Макс кивнул и вышел из кухни.

В комнате он продолжал наблюдать, как она терпеливо дожидалась, пока закончится возня с чашками.

– В настоящее время больше нет документов, подобных по важности архиву Бабаты, которые проливают свет на жизнь Набатеи. Но не все записи там сделаны на набатейском языке. Бабата была иудейкой. Она родилась в поселении Махозы, на юго-восточном побережье Мертвого моря. Эта область входила в состав Набатеи. В архиве 35 документов. Большая часть из них на греческом, несколько на арамейском. Но есть шесть документов на набатейском языке. Кроме этого, на девяти документах, написанных по-гречески, имеются подписи и добавления на набатейском и арамейском. Впервые были найдены записи на набатейском в таком объеме. Этот язык принадлежит к группе арамейских языков со значительной примесью арабских слов. До сих пор он был известен только по надписям на надгробиях и монетах.

– Вам не скучно? – прервалась Аня и поочередно посмотрела на всех.

– Что вы, Анна Георгиевна, – ответил Лесин, – очень познавательно. Лично я сегодня узнал много нового. Правда, пока не знаю, как это поможет нам в нашем расследовании.

– Вы не хотите, чтобы я продолжала?

– Конечно, хочу, – Лесин открыл свой портфель и достал оттуда несколько листов, – но перед тем, как продолжить, взгляните на это.

– Очень хочу услышать ваше мнение, – добавил он и протянул листы Ане.

Она взяла бумаги и углубилась в их изучение. Профессор Фокин поерзал на стуле. Затем, не утерпев, подвинулся к аспирантке. Она протянула ему первый лист.

Через минуту она оторвалась от бумаг и взглянула на Лесина.

– Могу с уверенностью сказать, что текст на арамейском или одной из его разновидностей, – сказала она, переводя взгляд на Фокина.

– Вы правы, я тоже склонен так думать, – кивнул он и обратился к Лесину, – чтобы сказать наверняка, с текстом нужно поработать. Жаль, конечно, что в наших руках всего лишь копии. Это существенно нас ограничивает, но...

– Чем богаты, – завершил за него полковник.

Глава 9 Улики против него

Обнаруженный Аликом свидетель жил на третьем этаже. Лесин поднимался по лестнице первым. Полковник был в прекрасной физической форме. Его почему-то порадовало, что Макс прилагал усилия, чтобы не отстать от него. Предупрежденный Аликом хозяин квартиры ждал их. Всеволод Кузьмич бодрый, худощавый семидесятичетырехлетний пенсионер, в очках с толстыми стеклами и флизовой жилетке сразу подвел их к окну. Лесин выглянул во двор. То место, где обнаружили труп Шацкого, отсюда не просматривалось. Зато предполагаемое место укрытия стрелявшего, указанное Максом, было видно как на ладони.

– Видел я Витьку Сизова в то утро. Вышел из дома, как всегда в половине девятого, но уже минут через пятнадцать почему-то вернулся.

– Что значит, «почему-то»?

– Он обычно раньше одиннадцати не возвращается.

– И куда он каждый день ходит?

– А бес его знает. Я с ним на эти темы не беседовал.

– Что было дальше?

– Вернулся, говорю, быстро и стал туда, – он указал на углубление в стене в конце арочного прохода. – Видите, там раньше стена была. А когда ее сломали, эта ниша и образовалась. Куда мы только не обращались, никому дела нет. Уже года четыре обещают заделать.

Он посмотрел на своих собеседников, очевидно, решил, что помощи в этом вопросе от них не дождешься и огорченно махнул рукой.

– Там он и стоял. В этой нише.

– А потом?

– Потом не знаю. Пошел телевизор смотреть. Там третью серию про ментов повторяли, – пенсионер вдруг поперхнулся и зашелся в кашле.

– Извините ради бога дурака старого, – смог выговорить он, когда приступ прошел.

– Ничего, – улыбнулся Лесин.

– Может быть, вы заметили что-то необычное? – вступил в разговор Макс.

Хозяин квартиры непонимающе пожал плечами.

– Ну, может быть, что-то в глаза бросилось?

– Говорю, вернулся он раньше обычного, – повторил пенсионер, силясь вспомнить. – А еще он был с капюшоном.

– Что значит, с капюшоном?

– Ну, у ветровки его, в которой он всегда ходит, капюшон есть. Так он на голову его никогда не одевал. И утром, когда со двора выходил, не одевал. А вернулся в капюшоне.

Макс собирался что-то сказать, но старик жестом остановил его.

– И шел он как-то странно. Не знаю, в чем странность, но необычно как-то. Может быть бодрее.

* * *

Тишину в кабинете Светина нарушали только шаги полковника Лесина. Он проинформировал майора по телефону о вновь открывшихся обстоятельствах. Меньше чем через сорок минут Лесину сообщили, что подозреваемый задержан и с ним уже беседуют. Через полчаса они были у Светина. И теперь полковник мерил шагами маленький кабинет начальника уголовного розыска Центрального района. Пять шагов вдоль одной стены. Шесть с половиной вдоль другой. Он догадывался, что скрип его новых ботинок действует всем на нервы. Ему самому этот звук даже нравился. Размеренный скрип успокаивал его. Он попытался мысленно напеть что-то джазовое, но не попал в такт и замедлил шаги.

Усидеть на месте, пока приведут задержанного, он не мог. Оставалось немного надавить и получить признательные показания. Есть свидетель. Есть факты. Хозяин кабинета сидел за своим столом, довольно потирая ладони. Макс с непроницаемым лицом расположился на стуле у окна. Было видно, что он не разделял оптимизма полковника и майора. Подозреваемого Виктора Сизова должны были привести с минуты на минуту.

– Поговоришь с ним? – спросил Лесин Макса.

– Почему я?

– Тебе он скажет правду.

– С чего это?

– Потому что ты вежливо спрашиваешь, – Лесин не мог скрыть язвительности в голосе.

– Или тебе что-то не нравится?

– Мне многое не нравится.

– Ты это о чем? У нас же факты в руках.

– Хлипкие факты и сплошные нестыковки. Если вам нужно дело закрыть, то я этим заниматься не намерен. Поэтому, если с ним буду говорить я, вам может не понравиться результат.

– Ну-ка, выкладывай свои нестыковки, – сказал Лесин. Он не понимал Макса и с трудом сдерживал недовольство. Майор Светин с интересом прислушивался к разговору.

– Объясни, зачем этому хмырю понадобилось убивать израильского ученого. Надеюсь, ты не станешь утверждать, что с целью ограбления?

–

Не стану.

– Или, может быть, этот Сизый состоит в секте, являющейся противником археологических раскопок по идеологическим соображениям?

– Очень смешно. А если он обычный исполнитель? – предположил Лесин.

– Тогда заказчик убийства, если таковой существует, конченный идиот. Семеныч, ты этого Сизого видел? – неожиданно поддержал Макса Светин. – На него без слез смотреть нельзя. Обнять и плакать. А ты говоришь, исполнитель.

– Но у него же в деле написано, что он был боевиком тамбовцев, – возмутился Лесин.

– Да брось ты, Семеныч, – майор махнул рукой. – Я с тем делом знаком. Там все складно только на бумаге было. А из него боевик, как из меня оленевод. Думаю, мужику семерку зря вlepили. Мы с ним, конечно, жестко поговорим, но мне в его участие верится с трудом.

– Я посмотрю, ты защитник прав несправедливо обвиненных. Может, уйдешь из милиции и станешь бороться за чистоту правосудия? – от возмущения у Лесина покраснели уши. – А кроме ощущений и предположений у вас что-то есть?

– Да есть, – подал голос Макс.

В этот момент конвойный ввел в комнату худого сутулого мужика. Шаркающей походкой он подошел к столу Светина и опустил на предложенный ему стул. По документам он был ровесником Макса, но выглядел лет на десять старше своих лет. Он опустил голову. Лесин проследил за его взглядом. Смотреть вниз было не на что, кроме потрепанных кроссовок грязно-серого оттенка. Определить их первоначальный цвет было невозможно.

– Сизов Виктор Сергеевич, – начал хозяин кабинета, – соберись нам рассказать, что произошло у твоего дома тридцатого сентября?

Задержанный молчал.

– Я имею ввиду, сегодня рассказать, – Светин повысил голос.

Сизый посмотрел на майора, затем на Макса. Лесин стоял чуть сзади. На него смотреть Сизый не стал.

Наверное, боится свернуть шею, – решил полковник.

– Ну давай, Сизый, рассказывай.

– Я уже все рассказал.

– Ты ведешь себя глупо, неразумно. В твоих интересах начать говорить правду.

Сизый молча разглядывал кроссовки.

– Ты крутой мужик. Ни с кем не связан – волк-одиночка. Ты не намерен обсуждать свои действия с кем бы то ни было. Ну что ж, не говори. Пойдешь за решетку молчаливым. У нас уже имеются доказательства твоей деятельности, – Лесин видел, что майор начинает заводиться во время своего монолога. – Но на этот раз ты отправишься на нары надолго...

– Можно мне поговорить с ним? – вдруг спросил Макс.

Полковник с удивлением взглянул на него и сделал Светину знак остановиться.

– Говори.

– Я хотел бы побеседовать с подозреваемым с глазу на глаз.

Лесин пожал плечами, кивнул майору и они вышли.

* * *

– О чем это он? – Сизый по-прежнему не отрывал глаз от кроссовок.

Макс понял, что тот спрашивает о монологе майора.

– Не обращай внимания, у него большая психика, – ответил Макс.

– Что ж, это моя судьба. Некоторые летают, другие ходят по океану, а я занимаюсь тем, что отвожу от себя подозрения, – он оторвал от пола слезящиеся глаза. Макс смотрел на него с удивлением.

– Вы не мент, – вдруг сказал Сизый, – что вы делаете среди ментов?

– Обстоятельства, – пожал плечами Макс, – они не всегда оставляют выбор. Но ты не совсем прав. Раньше я был ментом.

– Раньше мы все бывали не тем, кем нужно. Как вас зовут? – спросил Сизый.

– Макс... Максим Юрьевич.

– Мой папа был преподавателем филологии, Максим Юрьевич. Профессором. Мама врачом. Я окончил военное училище. Служил в армии, дослужился до капитана и ушел. Совершил много ошибок. Даже давал кое-какие консультации бандитам. Время было такое. Сейчас многие говорят эти слова. Но это правда. Когда нечего есть, не приходится рассуждать о законности доходов. Мой образ жизни это мое. Я не считаю, что должен оправдываться. Нужно было выживать и я, может быть, выбрал для этого не самый лучший способ. Меня судили. Я провел семь лет в изоляции. Такая у меня судьба.

– И почему же вы не сказали об этом Светину? – Макс невольно перешел на «вы». Во время рассказа Сизого он неотрывно смотрел на его руки. Они дрожали.

– Обсуждать с этим майором суть моих поступков, по меньшей мере, неразумно.

– Виктор Сергеевич, что же было в то утро? Напрягитесь и попробуйте вспомнить, хотя я думаю, вы не забывали об этом ни на минуту. Вам ни к чему вешать на себя это убийство, тем более, если вы его не совершали. А пока я не вижу ни одной причины, по которой вы могли это сделать. Я готов вам поверить, но вы должны мне помочь. Как это говорят?... Помогите мне помочь вам.

– Я в своей жизни встречался с разными людьми. Вы хороший человек, Максим Юрьевич.

– Вы собираетесь мне рассказывать, как я вам нравлюсь, или скажете что-то по делу?

– Я был на Московском вокзале.

– Что вы там делали?

– Гулял.

– Стоп. Вы меня не понимаете.

– Я говорю правду.

– Значит, вы гуляли по вокзалу и любовались поездами.

– Да, – Сизов посмотрел на Макса и махнул рукой. – Мы жили около железной дороги. Когда я был пацаном, мой отец часто брал меня с братом смотреть на поезда. Мы жили неплохо, но сейчас мне кажется, это лучшее, что я помню из своего детства. Уже давно нет ни отца, ни брата. Я уже давно один. Многие ходят на кладбище или в церковь, а я приезжаю на вокзал.

– И почему вы не рассказали об этом операм.

– Не люблю, когда из меня делают клоуна.

– Лучше уж клоуна, чем убийцу. На вокзале вас кто-нибудь видел?

– Не помню. Думаю, видели. Меня там многие знают, – Сизов сморщил лоб, что-то вспоминая. – Но в то утро я попал туда не сразу. На меня напали.

– Кто?

– Этого я не видел. Я стараюсь поменьше встречаться с людьми и по возможности избегаю мест их скопления. Вокзал не в счет. Вышел из дому в начале девятого и далеко отойти не успел. Пересек Казанскую улицу и до Гражданской пошел проходными дворами. В одном из них получил удар по голове сзади и потерял сознание. С тех пор, как вышел из квартиры, прошло чуть больше пяти минут. – Вы долго лежали без сознания?

– Думаю, что очнулся быстро. Я все-таки направился на вокзал. Когда пришел, посмотрел на часы. Он показывали десять минут десятого. До вокзала чуть больше получаса ходу, вышел из дома в восемь пятнадцать. Простая арифметика говорит, что без сознания я валялся около двадцати – двадцати пяти минут.

– Виктор Сергеевич, как вы думаете, кто мог вас ударить и зачем?

– Раньше думал, что какой-нибудь бедолага, а теперь не знаю, – ответил Сизов, потирая глаз дрожащей рукой.

– Объясните.

– Когда я очнулся, на мне не было ветровки. Поэтому решил, что ударили из-за нее. Думал, что бомж. А когда мне сказали на допросе, что Кузьмич, мой сосед, видел как в моей ветровке стоял убийца... В общем, с меня ее сняли не для того, чтобы погреться.

– Версия была удобная, но ошибочная, – сказал Макс, когда увели Сизова и Лесин со Светиным вернулись в кабинет. Он передал им содержание разговора с задержанным.

– Ты был уверен в его невиновности еще до разговора с ним. Можешь объяснить, почему? – спросил Лесин.

– Я говорил про нестыковки? До разговора я полагался на интуицию. В его непричастности к убийству я убедился в первую минуту после того, как увидел Сизого.

– И что в нем было такого особенного?

– Помните, что в Шацкого стреляли с расстояния в двадцать метров? Сизый с такого расстояния промазал бы и по слону. Уверен, что он пальцем в дверной звонок с первого раза не попадет. Вы видели его руки? Они постоянно дрожат. Уверен, что это следствие болезни, а не от волнения. С таким тремором невозможно удержать пистолет для точного выстрела. Проверьте.

– Проверим.

– У него на затылке огромная шишка. А теперь вспомните показания соседа, Всеволода Кузьмича. Он сказал, что у вернувшегося в ветровке был на голове капюшон, который тот никогда не одевал и другая походка. Кто-то дал ему по голове и переоделся в его ветровку. Кроме того, что у него не было мотива, – закончил он. – Проверьте.

К вечеру подтвердилось алиби Сизова. Лейтенант Савельев, отправленный Светиным на вокзал, обнаружил двоих человек, видевших там Сизова в начале десятого тем утром. Первым был носильщик, хорошо знакомый с Сизовым, а вторая, его соседка, встречавшая на вокзале сестру. Врач, обследовавший Сизова, подтвердил, что ему был нанесен сильный удар в затылочную область. Кроме того, у него была обнаружена редкая для мужчин болезнь – гипертиреоз. Одним из симптомов этой болезни является дрожание рук.

– Почему же он молчал? – недоумевал Лесин, вновь промеряя шагами кабинет. На этот раз свой.

– Стеснялся об этом операм рассказывать, – предположил Макс.

– Что сам скажешь?

– Я ему с самого начала поверил. Даже, если бы не было свидетелей и результатов проверки. У него лицо одухотворенное.

Лесин кивнул. Казалось, что он был разочарован.

– Если сбился, танцуй дальше, – наконец, произнес полковник.

–

Что? – не понял Макс.

– Запах женщины... – сказал Лесин и в тот же миг поймал на себе обеспокоенный взгляд Макса.

– С тобой все в порядке? О чем ты?

– «Запах женщины», Максим, это фильм. Знаешь?

– Да, я смотрел.

– Хороший фильм. Я почти не хожу в кино. Редко. И видики с DVD тоже не смотрю, – Лесин смотрел на Макса и видел, что тот ждет, к чему это может привести, – исключение делаю только ради тех фильмов, которые рекомендует мой сын. Он посоветовал мне «Запах женщины». Мне понравился фильм. «Если сбился – танцуй дальше» – это оттуда.

– Да. Это сказал герой Аль Пачино.

– Верно. Слепой полковник, который танцевал танго, – подтвердил Лесин, видя, что Макс по-прежнему ничего не понимает. – Мы сбились и нужно танцевать дальше.

Они некоторое время смотрели друг на друга.

– А знаешь, что еще мне нравится? – нарушил молчание Лесин. – Мне нравится, что мой сын подбирает для меня такие фильмы. Значит, мы с женой правильно его воспитали.

Макс молча смотрел на полковника.

– Ну что ж, мы сбились. Давай танцевать дальше.

* * *

Санкт-Петербург. Россия. 11.10.2005 г.

Фокин был взвинчен до такой степени, что не мог заставить себя усидеть на месте больше минуты. Он постоянно вскакивал, носился по комнате, после чего присаживался вновь.

– Вы даже представить себе не можете, что вы мне принесли. И если документы подлинные, а я склонен полагать, что так оно и есть, то это величайшее открытие. Да, да, по важности они могут быть приравнены к архивам Бабаты.

Если письма Бабаты были на трех языках, набатейском, арамейском и греческом, то эти документы составлены только на набатейском.

Я получил от вас копии семи листов. Конечно, они требуют более пристального изучения. Но и за те два дня, которые вы мне отвели, мы с Анной Георгиевной кое-что успели.

Во-первых, должен сказать, что документы прекрасно сохранились.

– Игорь Саввич, не томите, – вставил Макс, пытаясь подтолкнуть профессора к разговору по делу.

– Да, да, понимаю ваше нетерпение. Так вот, в основном здесь присутствуют документы, представляющие собой купчие на землю и другое имущество, приобретенное автором записей. Его имя в этих бумагах, к сожалению, не упоминается. Документы составлены официальными писцами набатейского нотариата и датируются временем правления последнего набатейского царя Раббеля II (70/71–106 гг. н.э.), т.е. до превращения Набатейского царства в провинцию Аравия. При этом дается перечень всех участков земли, точно обозначаются их границы и, что особенно интересно, указан режим орошения участков. Например, один из участков оро-

шается по воскресеньям в течение получаса, а другой участок – по средам в течение целого часа, – захлебывался Фокин. – Вы даже представить не можете, какое богатство находится у нас в руках.

– Игорь Саввич, – Макс вновь попытался прервать восклицания окрыленного профессора, – все это очень интересно, но вы нашли что-нибудь кроме хозяйственных записей?

– Кроме? Ах да! – профессор посмотрел на ассистентку, – попался нам с Анной Георгиевой еще один странный документик. Анечка, покажите, пожалуйста.

Аня привстала и придвинула бумаги к себе.

– Я должна сказать, что мы были ограничены определенными рамками из-за того, что в наших руках были копии, а не подлинники документы. Но это то, что мы имеем на сегодняшний день, – она заглянула в разложенные бумаги. – Среди всех записей один лист показался нам отличным от других и на первый взгляд и при более тщательном изучении.

– И чем он отличается?

– Всем. И внешним видом и содержанием. Во-первых, качество. Конечно, очень сложно судить по копии, но все-таки... Вот, посмотрите, – она положила перед Максом два листа бумаги, – вот этот, например. Видишь, какие здесь трещины и затемнения. А на этом трещинки мелкие и весь он, как бы сказать, однородный, что ли. Повторяю, что по копии судить очень трудно, могу и ошибаться, но кожа во втором случае выделана лучше. Предположу, что на нее пошла кожа молодого козлика. А такой пергамент в те времена по карману был далеко не всем. Думаю, что пользоваться кожей такого качества мог лишь кто-то из царской семьи, ну или тамошние олигархи.

–

Что там написано?

– Затруднило расшифровку то, что это не первый лист документа. Но, несмотря на это, можно с уверенностью сказать, что он составлен накануне захвата Набатей врагами. На этом листе мы не нашли конкретного указания, кем именно. Но по многим второстепенным факторам мы установили, что он составлен в начале второго века нашей эры.

– По каким факторам? – Макс выказал профессиональный интерес.

– Я сделала палеографическое сравнение этой записи с некоторыми из немногих текстов, которые есть в нашем распоряжении. Время написания можно определить сопоставлением речевых оборотов, используемых шрифтов, каллиграфии и очертания отдельных букв. Я сравнивала наш текст с несколькими документами. С письмами Бабаты и надписями на надгробных плитах из набатейских городов Авдата и Шивты.

Макс перехватил восторженный взгляд профессора на свою помощницу.

– Почти все факторы, например буквы, то есть их форма и наклон, на сопоставляемых материалах идентичны, – продолжала Аня. – Надгробные плиты датируются 103-м и 105-м годами нашей эры. А это значит...

– ...Что он составлен накануне захвата римлянами, – вставил Макс.

– Точно. Я на сто процентов уверена, что здесь говорится о походе императора Траяна.

– Римляне захватили Набатею в 106 году новой эры, – пояснил Макс молча сидевшему в стороне Лесину.

– Верно, – согласилась Аня, – а теперь перейдем к самому главному. В этом отрывке говорится о царской казне. Обсуждается вариант ее перемещения в более надежное место.

Макс смотрел на горящие глаза ассистентки профессора. Эта девушка начинала нравиться ему.

Она вышла в коридор проводить его. Под влиянием внезапного влечения он наклонился, чтобы на прощание поцеловать ее в щеку. Аня отшатнулась.

– Что это вы?

– Простите, секундное помутнение рассудка, – после такой реакции на его жест, он чувствовал себя неловко.

– Оставьте эти штучки для своих поклонниц. Уверена, что у вас их достаточно, – она стояла напротив с непроницаемым лицом, – а я здесь пытаюсь с вами работать.

* * *

Вернувшись в агентство, они застали там только Маковского, корпевшего над бумагами.

– Есть новости? – спросил Лесин. Они не видели его со вчерашнего дня.

– Новостей нет. Но есть мнение, – сказал Виктор, – хотя, возможно, оно не всем понравится.

– Говори, – бросил ему Лесин, вынимая из сейфа папки с делами.

– Я бы не торопился отпускать Сизого, – сказал Виктор.

Взгляды полковника и Макса устремились к нему.

– У тебя остались сомнения? – спросил Лесин.

– Полно. Он спел вам красивую историю.

– Причем здесь история? Есть свидетели. Во время убийства его видели на вокзале. Или у тебя имеются другие аргументы?

– Сизый, бандит.

– Это все?

Маковский пожал плечами.

Макс сжал зубы и подошел к Виктору.

– Я здесь не для того, чтобы давать тебе уроки криминалистики и уголовного права, если тебя вовремя не научили этому в школе милиции, или где ты там учился. Но одну истину я тебе открою. Для того чтобы вычислить преступника, собирают факты, и на их основе строится версия. Чем больше фактов, тем версия правдоподобнее. Не следует подгонять факты под готовую версию. Обычно она оказывается бредовой, – он отошел от Маковского на два шага, затем остановился и вновь повернулся к нему. – И еще я хочу, чтобы ты знал, что если бы у меня был выбор, то я бы предпочел сейчас находиться в его обществе, а не в твоём, и беседовать с ним, а не с тобой.

Виктор смотрел на Макса с приоткрытым от удивления ртом.

– Почему? – от растерянности он не нашел более умного вопроса.

– Считай это моей странностью, – ответил Макс и вернулся на место. Лесин молча наблюдал со стороны, не произнеся ни слова.

Маковский вышел из кабинета, забыв попрощаться.

В агентстве остались только Макс и Лесин. В кабинете царил полумрак. В направленном свете настольной лампы полковник делал записи в блокноте. Итоги дня или планы на завтра. Этот вопрос занимал сидящего в стороне Макса минуты три. По каменному лицу Лесина разобрать это было невозможно. Макс отвел взгляд в сторону. Часть стены освещалась уличным фонарем. Четко очерченная граница тени создавала фантастическую картину. Полюбовавшись на случайный рисунок, он застыл без движения, используя тишину, полутьму кабинета и пронизанное духотой безделье на размышления.

– Мне пора, – прошептал он.

– Я уже заканчиваю, – услышал Лесин. Он откинулся в кресле и потянулся, – еще пять минут и я тебя подброшу.

– Ты меня не понял, Семеныч. Я имел ввиду другое, – Макс поднялся и подошел к окну. – Мне пора возвращаться.

Лесин посмотрел на Макса, медленно поднялся, подошел и стал рядом.

– Тебе что-то мешает? – попытался угадать он, – или это из-за Виктора?

– Маковский здесь ни при чем. Дело в том, что в дальнейшем расследовании здесь я не вижу перспективы.

– И где ты ее видишь?

– В Израиле.

– А ты не забыл, что убили его здесь? Тебе не кажется странным заниматься расследованием в тысяче километров от места преступления? Наверняка, есть улики и свидетели... Их просто нужно найти.

– Ну, вот ты, Семеныч, здесь и ищи. А я попытаюсь раздобыть подлинные рукописи. Надеюсь, что у меня это получится в самое ближайшее время. Убийство может быть связано только с ними. Борис прилетел в Питер инкогнито. Никому не звонил, ни с кем не встречался. О чем это нам говорит?

– И о чем же?

– О том, что информация о находке просочилась наружу не иначе как в Израиле, и убийство было спланировано кем-то, кто имел отношение к найденным бумагам. Я не успел поговорить ни с кем из группы археологов, кроме двоих. Стаса Селезнева и Сагит Бар-Зоар. В группе были еще и другие люди. Уверен, что в утечке информации виновен кто-то из археологов. О находке было известно только им, и только они, пока не знаю, кто конкретно, устроили вокруг этого тайны Мадридского двора.

Лесин усмехнулся.

– Вы что, сговорились? – сказал он.

– С кем? – не понял Макс.

– Я сегодня звонил профессору Фокину. Ты почти слово в слово повторил то, что сказал он. Не понимаю, откуда у старика проснулся талант сыщика, – Лесин смешно приподнял правую бровь и, нацепив на лицо загадочную улыбку, подмигнул Макс, – причем он настойчиво упирал на то, что с тобой должна отправиться его ассистентка. Мол, только она в состоянии разобраться с текстами, которые ты должен отыскать. Ты не против?

– Не против, – Макс не поддержал игривого настроения полковника. – Но вначале я полечу один. Когда найду рукописи, сообщу, чтобы она вылетала. Кстати, как сама Аня относится к поездке?

– Думаю, возражать не будет. Фокин прежде, чем говорить со мной, наверняка, все обсудил с ней и получил ее согласие.

Глава 10 Поиски рукописи

Акко. Израиль. 12.10.2005 г.

Вставив ключ в дверь, Макс услышал телефонный звонок. В этот момент он испытал на себе действие закона Мэрфи. Замок заклинило и ему пришлось провозиться с ним около двух минут. Разумеется, когда он проник вовнутрь, телефон молчал. Швырнув дорожную сумку в угол, он направился на кухню, гадая, кто мог звонить в это время. Было только 6 утра. Когда он положил на хлеб пластинку сыра «Эмек», оставленного в холодильнике перед отъездом, телефон зазвонил снова. Он снял трубку после первого звонка и услышал на другом конце мягкий голос Сагит.

– Что случилось? – звонки в такое время вызывали у него беспокойство.

– Ничего.

– Ты в курсе, который здесь час?

– Извини. Никак не могу привыкнуть к такой разнице во времени, – Сагит неуверенно попыталась оправдаться и сразу же сменила тему, – у вас там, наверное, весело?

– Быстренько ты забыла, с какой скоростью удрали от этого веселья. Как долетела?

– Все прекрасно. Встретили, устроили. Начала потихонечку работать, – она продолжила без перехода, – ты что-то выяснил о рукописях?

– Немного.

– Можешь рассказать?

– Нет.

– Лучше расскажи, а не то я приеду, и тогда берегись.

– Ты тоже жаждешь моей крови? – Ему нравилось ее игривое настроение. Услышав ее смех, Макс почувствовал, что очень хочет увидеть ее.

– Я только приехал из Санкт-Петербурга, – сказал он, – был у профессора Фокина. Он говорит, что рукописям, которые вы нашли, нет цены. Профессор согласился нам помочь. Я сказал, согласился? Ему не терпится продолжить изучение рукописи. Я вернулся, чтобы найти весь текст.

– Вы отправите рукопись в Россию?

– Нет. Когда я найду ее, Фокин пришлет сюда свою ассистентку. Она специалист по подобным текстам.

– Я тоже, – буркнула Сагит.

– Верно, – согласился Макс, – но ты сейчас далеко отсюда.

– Ладно, развлекайтесь, – сказала Сагит.

Макс услышал в ее голосе ледяные нотки.

После окончания разговора, он застрял в кресле на несколько минут. Он думал о том, что женщин ему понять не дано.

* * *

Его разбудил телефонный звонок. Подняв веки, он взглянул на часы. Половина одиннадцатого. Выспаться после бессонной ночи, проведенной в аэропорту и самолете, ему не дадут. Надо было отключить телефон. Он поднял трубку.

– Я из аэропорта, – услышал он голос Дианы, – только приземлились.

– Если бы я знал, что ты собираешься, могли бы лететь вместе. Мой самолет сел ночью.

– Жаль. Не знала. Вчера была на кладбище. Хоронили Бориса. Его мать настояла, чтобы он был похоронен в Питере.

– А вот этого уже не знал я. Пришел бы на похороны.

– Проехали, – в трубке загудела полицейская сирена. Диана переждала, пока шум утихнет, – мы можем встретиться?

Квартира Шацких находилась в Тель-Авиве. Макс замешкался.

– Сегодня? Я несколько часов назад приехал из аэропорта.

– Я пару дней поживу у своей подруги в Кирыят-Моцкине. Приезжай часа через три, – Диана продиктовала адрес и повесила трубку.

Пригород Хайфы Кирыят-Моцкин находился в пятнадцати минутах езды от дома Макса. Он подержал телефон в руках и еще раз взглянул на часы. Снова ложиться спать не имело смысла. Он бросил трубку и поплелся в душ.

Диана открыла сразу, словно ждала под дверью. Она не была похожа на безутешную вдову. От нее веяло холодом, как от завода по производству рефрижераторов.

Долгая дорога, казалось, вовсе не утомила ее. Макс обратил внимание на тщательно уложенные волосы и профессионально нанесенный макияж. Он прошел за ней в гостиную. Она села в кресло. Он опустился на диван.

Макс неловко чувствовал себя в подобных ситуациях.

– Как ты? – спросил он.

– Нормально, – она пожала плечами, – я рада тебя видеть.

Она прошла на кухню и вернулась через несколько минут с двумя чашками кофе. Она взяла горячий напиток и сделала маленький глоток. К своей чашке Макс не притронулся.

– Можешь объяснить, зачем ты все-таки обратилась к частному детективу?

– В милиции я поняла, что единственная их версия – убийство с целью ограбления. Израильский ученый, значит, денег – куры не клюют. – Она махнула рукой. – Другие версии и не рассматриваются. Много они найдут с таким подходом?

Она помяла в руке салфетку.

– А дядю Ленью я давно знаю. Наши отцы дружили. К кому мне было еще идти?

– У Бориса были враги?

– Какие враги? Откуда? У него и друзей-то не было. Он же с людьми почти не общался. Только по необходимости. Его люди не интересовали. Вот цацки старинные, это другое дело. Они для него были и друзьями, и семьей. Он мне и в лучшие годы не уделял столько внимания, сколько своим черепкам. Они для него были лучшими собеседниками. Я ему была нужна только для того, чтобы он на быт не отвлекался.

– Ты сказала, что менты рассматривали одну версию. У тебя есть другие?

Она отпила еще глоток.

– Нет. Я же не следователь, – она подумала. – Но у Бориса мог быть, например, левый бизнес...

– А у него был?

– Не знаю.

– Вы с Борисом говорили о его работе?

О находке археологов Диана знала поверхностно. Борис ничего конкретного ей не рассказал. Он только однажды поделился с ней, что это самое важное, что он сделал или делает в жизни. «Погоди, скоро сама узнаешь», – говорил он.

– Ты сможешь выполнить одну мою просьбу? – вдруг спросила Диана. Она не продолжала. Смотрела на него и ждала ответа.

Макс кивнул.

– Я хочу попросить, чтобы ты держал меня в курсе расследования, – она сказала это настолько твердо, что это было мало похоже на просьбу.

– Зачем тебе подробности? Ты будешь знать результат, если мы сможем его получить.

– Я должна знать все, понимаешь? Должна, – Диана повысила голос. – Очень надеюсь, что вы получите результат. Но одного результата мне не достаточно. Я хочу знать о ходе расследования.

– Хорошо. По возможности я буду сообщать тебе новости.

– Макс, – она помолчала пару секунд. – Все новости. И не по возможности, а регулярно. В ответ он развел руками и улыбнулся. Она не оставляла ему выбора.

– А сейчас расскажи, как успехи, – голос Дианы вновь был спокоен.

За полчаса Макс известил ее о результатах поездки в Питер.

– Что ты собираешься делать? – спросила она.

– Прежде всего, мне нужно найти оригинал рукописи, – сказал он.

– Есть мысли на этот счет?

– Нужно искать у членов группы.

– С кого думаешь начать?

– Пока не знаю.

– Руководителем был профессор Полак?

– Да.

– Вот с него и начни.

– Наверное, ты права, – согласился Макс, – ты не в курсе, где он может быть?

Диана поправила рукой волосы.

– Тебе стоит поторопиться. Мне сообщили, что Полак попал в больницу с сердечным приступом.

* * *

По дороге в больницу Рамбам в нижней Хайфе, Макса не покидало неприятное чувство.

Он ненавидел больницы. По мере возможности пытался обходить их стороной. Больничные коридоры навевали тоску. Общение с врачами угнетало. Врачи... Он не мог винить их за циничные высказывания. Для себя он объяснял это тем, что они, ежедневно сталкиваются с чужой бедой, из-за чего ее восприятие притупляется.

Он оставил машину на огромной стоянке и, миновав пост охраны и широкую площадь перед входом, зашел в холл. Выяснив в справочной, где лежит Полак, он направился к лифтам.

В израильских больницах к пациентам можно проходить свободно. Никто не остановит тебя, не спросит, куда ты направляешься и не заставит накинуть халат. Медсестры, сидевшие за стойкой у входа в отделение, даже не подняли на него глаза.

Максу не повезло. В указанной палате профессора не было. Его перевели в реанимацию. А вот туда уже посетителей не пускали.

Он вернулся к посту медперсонала. За стойкой теперь сидела одна громоздкая немолодая медсестра. Макс поинтересовался, бывают ли посетители у Полака. Оторвав взгляд от бумаг, она пожала плечами.

– К нему приходит жена.

Макс обернулся. Рядом с ним стоял высокий лысый мужчина в больничной одежде. Он прогуливался по коридору, толкая перед собой капельницу.

– Я лежал с ним в одной палате. В этом отделении палаты на две кровати, – мужчине хотелось поговорить, – мой сосед лежал у окна, пока его не перевели, а я ...

– ... У двери, – продолжил Макс.

– Я догадался, – пояснил он, поймав на себе недоуменный взгляд собеседника. – Когда приходит его жена?

– Обычно, в половине второго, – Макс взглянул на часы. 13:25. – Надеюсь, что она пунктуальна.

– Покажете мне ее?

Мужчина с капельницей кивнул.

Жена Полака зашла в отделение ровно в час тридцать. Сосед по палате указал глазами на маленькую сухую женщину с короткой стрижкой, решительно идущую от лифтов в их направлении.

Макс подошел к ней и представился.

– Я задержу вас на одну минуту. Меня зовут доктор Кон.

Он объяснил, что в России убили человека, работавшего с ее мужем.

– Я знаю. Он слег после того, как ему сообщили об этом убийстве, – прервала Макса жена профессора, – вы из полиции?

– Нет. Убитый был моим другом.

Затем он коротко сообщил, что по версии следствия убийство могло быть связано с древней рукописью, обнаруженной группой профессора на раскопках.

– Эта находка может дать ответы на многие вопросы. Вы можете выяснить у мужа, где она?

– Если он будет в состоянии говорить, я задам ему этот вопрос, – сказала женщина и скрылась за дверью реанимационного отделения.

В ожидании Макс бродил по отделению, ловя на себе недовольные взгляды персонала.

Жена Полака вышла к нему через полчаса.

– Мой муж не знает, где находятся эти бумаги, – сказала она, глядя в сторону.

Макс разочарованно покачал головой, затем развернулся и направился к выходу. Перед поворотом к помещению с лифтами он обернулся. Женщина стояла на том же месте. Макс замешкался на мгновение, принимая решение, и за несколько секунд преодолел разделяющее их расстояние.

– Я могу допустить, что рукописи не у профессора, но в то, что он не знает, где они, поверить невозможно. Я понимаю, что выбрал неудачное время, чтобы тревожить вашего мужа в таком состоянии, но у меня нет выхода. Только рукопись в сложившейся ситуации может пролить свет на загадочное убийство доктора Шацкого.

Жена покачала головой.

– Я сожалею, но ничем не могу вам помочь.

Макс протянул ей свою визитку.

– И все же я попрошу позвонить мне, если вам что-то станет известно. У Шацкого остались жена и ребенок. Я не могу допустить, чтобы убийца остался безнаказанным.

– Я сожалею, – повторила жена Полака.

* * *

Вечером дома у Макса раздался телефонный звонок.

Он поднял трубку. Звонила жена профессора Полака.

– Я долго думала после разговора с вами.

Макс молчал.

– Я снова попыталась поговорить с мужем об этой чертовой рукописи, – женщина высморкалась, – возможно, я буду винить себя за этот разговор до конца своих дней.

– Почему? – спросил Макс.

– Мой муж умер. Во время нашей беседы у него случился повторный приступ. Его не смогли спасти.

Макс почувствовал, как после этих слов у него внутри образовалась пустота.

–

Простите меня, – выдавил он, – я не должен был настаивать на разговоре с профессором...

– Не вините себя, – сказала госпожа Полак бесстрастным голосом.

Макс пораился железному характеру этой женщины. Он молчал, слушая тишину в трубке и не решаясь первым закончить этот тяжелый разговор.

– Вы слушаете меня, доктор Кон? – наконец, произнесла вдова профессора.

– Да.

– Перед смертью мой муж рассказал мне, где рукопись.

Макс молчал ошеломленный.

– Он хранил ее в банковской ячейке. Чтобы забрать ее оттуда мне понадобится несколько дней. Ячейка на его имя. Нужно утрясти кое-какие вопросы, связанные с наследованием, вы понимаете.

– Да, конечно.

– Когда у меня будет разрешение на доступ к ячейке, я позвоню вам, – закончила она и повесила трубку.

После разговора с вдовой профессора, Макс сделал два звонка.

Прежде всего он набрал номер Дианы.

– Ты оказалась права. Рукопись была у Полака.

– Она у тебя?

– Пока нет, но скоро будет, – он объяснил Диане причину задержки.

– Надеюсь, теперь дело сдвинется с мертвой точки, – сказала она, – держи меня в курсе.

* * *

Подумав, он сделал еще один телефонный звонок. Лесин был в офисе.

– Есть новости. В самое ближайшее время оригинал рукописи будет у меня.

– Как ты на нее вышел?

Макс повторил то, что несколько минут назад рассказал Диане.

– Что собираешься делать дальше?

–

Планы не изменились. Постараюсь найти остальных археологов из группы Полака. Давно пора с ними пообщаться.

– Значит, хорошенькой ассистентке профессора Фокина можно собирать чемоданы? – спросил Лесин после короткой паузы.

– Да, ей будет, чем здесь заняться.

– А потом? – не отставал полковник, – что потом?

– По обстоятельствам. Решать, за какие ниточки тянуть дальше, буду после разговоров с археологами. У вас там ничего не проявилось?

– Здесь тупик. Попытались пройти по старым связям Шацкого, но это ничего не дало. Он ни с кем не общался, – выдавая разочарование, Лесин громко выдохнул в трубку, – основной фронт у тебя. Может прислать когонибудь в помощь?

– Справлюсь.

– Не сомневаюсь. О времени прилета Белецкой сообщу, – закончил полковник и отключился.

Макс подошел к книжному шкафу. Он пробежал глазами по корешкам книг. Его взгляд остановился на одной из них. Она называлась «Набатейское государство и его культура». Он взял книгу с полки и прошел в гостиную. Оставив ее на журнальном столике, он направился на кухню. Через десять минут он вернулся, неся в руке чашечку кофе и стакан воды. Он сел на диван, отпил глоток из стакана, взял книгу и углубился в чтение.

Глава 11 Криппа - набатей

Ободат (пустыня Негев на территории современного Израиля). 98 год н.э.

Все это было очень странно. Объяснить этого Криппа не мог. Иногда в памяти явно всплывали события, происходившие не с ним. Он был уверен, и мог в этом поклясться, что действительно пережил все это. А может быть, благодаря стараниям отца, который с самого детства рассказывал ему историю и предания их народа, Криппа чувствовал себя участником тех событий. Или все это являлось плодом его фантазии и ничего такого не происходило на самом деле?

А еще были сны. Он в сказочном дворце из камня разных оттенков красного. На нем длинные одежды в диковинных цветах и птицах. Он поднимается по внешним ступеням. За ним воины с длинными копьями и щитами. Он ступает на площадку на самом верху. Внизу разноцветная толпа. До его слуха долетает шум, нарастающий издалека.

В небо взлетают тысячи рук.

Рассказы отца и сны смешивались, наслаивались, растворялись одни в других. Несвязные обрывки срастались, разглаживались и, щедро одобренные фантазией, селились в памяти Криппы...

...Верблюжья гора готовилась спрятать приближавшееся к ней солнце за своими горбами.

Пришедший к вечеру хамсин смазывал краски. Небо, еще блекло-голубое над головой, желтело к горизонту. Пыль уже стояла в воздухе. Несмотря на вечер, долгожданная прохлада не приходила, и вода была единственным спасением. Мальчики выскочили из мойи – маленького искусственного водоема, набросили на себя длинные, ниже колен, рубахи и подпоясались. Идти к учителю в узкой повязке на бедрах, даже в такую жару, было запрещено. Он уже ждал их. Усевшись полукругом на большом камне, мальчики приготовились слушать.

– Наша земля велика, – начал старый Рамос, – она простирается от Рекема, города, которому покровительствует грозный, но справедливый Душара. Это там, – он показал рукой, – откуда приходит солнце. Мальчики замороженно следили за его движениями. Учитель повернулся в другую сторону.

– ...И до Внутреннего моря за теми горами, – продолжал он.

– Враг никогда не посмеет напасть на нашу страну. Великий Душара хранит наш народ, хвала его Имени. Он мудро не дал нашим горам и пескам рек и озер. И если храбрые набатейские воины даже не вступят в бой, – Рамос улыбнулся, – никакое вражеское войско не продержится здесь больше семи лун. Даже римляне, живущие за Внутренним морем и захватившие полмира, боятся прийти сюда, потому что только мы знаем, как собирать и хранить воду на нашей земле. Только мы можем пройти по ней от восхода до заката, поэтому нас называют набатеями, что значит – «знающие дорогу».

Какое-то странное чувство переполняло Криппу изнутри, и готово было выплеснуться наружу. Ему хотелось выпрыгнуть высоко-высоко и закружиться в бешеном танце. Как он был горд за свой народ, как любил эту землю. Криппа украдкой посмотрел по сторонам. Он был уверен, что увидит горящие глаза друзей. Они должны были чувствовать то же, что и он. К учителю были обращены, словно высеченные из бронзы, лица мальчиков и Криппа сдержался. Они правы. Мужчина не должен показывать своих чувств. Он сжал зубы, вздернул подбородок и, как все, уперся взглядом в Рамоса.

Глава 12 Ассистентка профессора

Тель-Авив – Хайфа. Израиль. 14.10.2005 г.

Макс прибыл в аэропорт Бен Гуриона без четверти девять. Он оставил «тойоту» на верхней стоянке и на лифте спустился в зал прибытия. Табло показывало, что самолет из Санкт-Петербурга уже приземлился. Прибывшие пассажиры выходили из автоматически раздвигающихся ворот. Территория перед ними была огорожена образующим огромную круглую площадь стеклянным барьером. По стеклу стекали струи воды, создающие гипнотический эффект. Макс поддался их воздействию. Около пяти минут он стоял, не отрывая взгляд от импровизированного фонтана. Разорвав магическое притяжение воды, он встал у рифленой колонны в стороне от стеклянного ограждения и сосредоточился на воротах. По восклицаниям встречающих Макс понял, что оттуда начали появляться пассажиры с ожидаемого рейса. Аня оказалась в створках ворот через двадцать минут. Облегающие джинсы, рубаша в крупную клетку навывпуск. Она катила за собой внушительный красный чемодан. Через руку было переброшено легкое пальто. В Питере в это время было прохладно. Макс обратил внимание, что зал произвел на нее впечатление. Она восхищенно осматривалась по сторонам. Макс выглядывал из-за колонны. Он был уверен, что она еще не заметила его в толпе встречающих. Однако Аня направилась прямо к той колонне, за которой он притаился.

Прежде чем она приблизилась, он почувствовал приятный запах ее духов.

– Как ты меня нашла? Я был уверен, что ты даже не смотрела в мою сторону.

– Умение замечать мелкие детали, – улыбнулась она, – а что, мы уже на «ты»?

– Ты в Израиле. Привыкай, здесь все на «ты». Но если тебе это мешает, буду тебе выкать.

– Не нужно, все в порядке.

Он любовался ее глазами, которые не затуманил четырехчасовой перелет, бархатной кожей лица, линией губ, нетронутых помадой. Макс перехватил у Ани чемодан. Плечом к плечу они подошли к лифту, поднялись на верхнюю стоянку и погрузились в машину.

– Ты бывала здесь раньше? – спросил Макс, когда они проехали развязки на выезде из аэропорта и влились в широкое шоссе.

– Нет, – ответила Аня.

– Тогда начинай вертеть головой по сторонам, а я буду твоим гидом.

Макс искоса поглядывал на нее. Выразительные глаза выдавали небольшое волнение, вызванное сменой обстановки. Напряжение, которое Макс объяснял для себя обилием новых впечатлений, сглаживали солнечные лучи, играющие на ее лице.

– У меня есть предложение, – сказал Макс, подъезжая к северной части Тель-Авива, – если ты не устала.

Она пожала плечами.

– Мы можем подъехать в университет и, если нам повезет, найдем там Дани Смолина, – предложил он, – здесь недалеко.

– Кто это? – спросила Аня.

– Один из археологов, работавших в группе, нашедшей рукопись.

Смолина в университете не было. По словам коллег, он не появлялся около двух недель. Примерно, с момента убийства Шацкого, – прикинул Макс. Сходство в датах заставило его насторожиться. Это не могло быть случайностью. О причине его отсутствия точно никто не знал. Некоторые считали, что он взял отпуск, другие думали, что у него рабочие встречи за рубежом. Были и такие, которые связывали его отсутствие с убийством Бориса Шацкого. Здесь об этом знали, как знали и об их близком знакомстве. Выяснить точную причину отсут-

ствия Макс не удалось. На месте не оказалось служащей, занимающейся кадрами. Он сделал пометку у себя в блокноте, проверить позже.

Израиль – маленькая страна. Три крупных города. Иерусалим, Тель-Авив, Хайфа. Столица – Иерусалим – находится в центре страны. Два других – на берегу Средиземного моря. По второму шоссе расстояние между ними можно преодолеть за сорок минут. Если нет пробок. Люди ездят быстро, не обращая внимания на ограничение скорости в сто километров. Сто двадцать или сто тридцать кажутся нормой. Не прошло и часа после того, как они покинули Тель-Авив, а справа уже мелькали стеклянные здания промышленного района южной Хайфы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.